

Вероника Горбачева

Когда
возвращается
радуга
Книга 2

16+

Вероника Горбачева

**Когда возвращается
радуга. Книга 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горбачева В. В.

Когда возвращается радуга. Книга 2 / В. В. Горбачева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Однажды у Фонтана Палача юная одалиска загадала желание: вырваться из гарема, стать свободной, уехать в далёкую Франкию, и не одной, а с самым близким человеком – с няней Мэг, названной матушкой...Если жаждешь чего-то всей душой – оно рано или поздно исполнится. Но что ждёт повзрослевшую Ирис в чужой незнакомой стране? И кто её там ждёт? И с добром ли? Она и не подозревает, что вот-вот станет игрушкой в руках честолюбивых монархов. Вернее, монарха... и заморской королевы Бесс.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	29
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

При оформлении книги использована обложка работы Татьяны Михаль,
<https://vk.com/tatianamikhal>

Пролог

– И больше я прошу не возражать!

Мощная дубовая столешница крякнула под кулаком Его величества Генриха Второго Валуа; прогнулась, но выдержала. Поморщившись, монарх потёр державную десницу и продолжил, нарочито гневно раздувая ноздри:

– Или мне напомнить о твоём долге дворянина и подданного? – Жестом осадил пытавшегося было возразить собеседника, и добавил несколько смягчённо: – Да, да, сознаю, что ты и без того не щадишь ни жизни, ни времени для достижения моих целей. На дипломатической службе тебе нет равных, и Золотой мир с Османской империей – это твоя заслуга...

– Не преувеличивайте, государь, – потупившись, заметил молодой человек, одетый не по сезону легко. За окнами королевского дворца бушевала невиданная для апреля метель, гость же был облачён в роскошный, но чересчур лёгкий камзол, покроем подозрительно напоминающий восточное одеяние, разве что шитья меньше и полы покороче. Но талию незнакомца, по примеру многих мусульман, перепоясывал кушак из драгоценного алого шёлка, а на ногах красовались чудесные сафьяновые сапожки, словно только что стачанные лучшим константинопольским мастером.

– ... и Франджипани, и Бомарше...

– Да, да, – нетерпеливо перебил король. – Но не скромничай, Филипп. Ты делаешь своё дело незаметно, однако, словно та пресловутая капля – «*Gutta cavat lapidem...*» – точишь камень «не силой, но частым паденьем»... Ты хоть сам-то знаешь, отчего тебя так обожают во Франкии? Или не задумывался о чувствах простолюдинов? Толпа, конечно, по обыкновению преувеличивает заслуги своих любимчиков, но даже если десять тысяч рабов и рабынь уменьшить в десять раз – получается, что ты вызволил из рабства не менее тысячи моих подданных, причём самых разных сословий, не гнушаясь выкупать у османцев не только дворян и солдат, но и обычных селян и рыбаков, коих злым ветром занесло на невольничьи рынки. А красotka, которую ты привёз из самого гарема Хромца? Её возвращение пресекло целую междоусобицу в Нормандии, ведь два враждующих семейства волей-неволей примирились, когда молодой граф де Ла Вотт похитил единственную наследницу ненавистного ему дома, эту... как её... Ильхам, да? И обвенчался с ней, положив конец кровной мести. Вся провинция вздохнула спокойно. Да что я тебе рассказываю, ты и сам всё знаешь! И вот сейчас, Филипп де Камилле, я, твой король, прошу ещё об одной услуге. Прошу не как подданного – как друга, а таковых у меня, сам знаешь, не так много.

Вздохнув, гость прошёлся по мягкому ковру, казалось, всё ещё хранящему жар южного солнца, под которым когда-то ткался, впитавшему блики от белокаменных стен и высоких заборов, благоухающему травами и ароматами Востока. Ковер этот, в котором нога по щиколотку утопала в длинном ворсе, как в траве, он самолично привёз неделю назад, как подарок от Солнцеликого королю дружественной прекрасной Франкии; привёз вместе с прочими бесценными дарами Хромца. Но самым главным даром далёкой дружественной державы оказались не изделия Истамбульских ковроделов и ювелиров, не ткани и благовония, не кофе и пряности, а драгоценные фолианты и рукописи, передаваемые Сорбонскому и Эстрейскому университету. Библиотека прославленного лекаря, мудреца, звездочёта и поэта Аслан-бея согласно воле покойного владельца была разделена, ещё при его жизни частично скопирована – и отправлена в Европу, во имя распространения Науки и идей Просвещения. Поговаривали, что некоторым экземплярам в уникальных коллекциях более пяти веков. И теперь это сокровище вот-вот должно было прибыть в Лютецию. Два корабля, на одном из которых плыл дипломат, на втором – под присмотром душеприказчицы везлось наследие великого учёного, оказались, к сожалению,

нию, разобщены в пути штормом, но недавно от отставшего флагмана в Османское посольство примчался голубь, с доброй вестью, что «Солнцеподобный» в двух днях пути от Марселя.

– Я...

Филипп де Камилле глубоко вздохнул и поклонился. Сдержанно ответил:

– Я верный слуга и друг Вашего Величества. И ежели вам, сир, угодно, чтобы я женился на вдове почтенного Аслан-бея – я женюсь. На всё ваша воля.

Генрих нервно дёрнул бровью. Буркнул угрюмо:

– Не нужно мне слепое подчинение и такая же слепая преданность. – Помедлив, потянулся к кувшину, самолично, опережая метнувшегося в его сторону лакея, наполнил драгоценные кубки венецианского стекла. – Поди прочь! – махнул слуге. – Мы желаем говорить с графом наедине. Так вот...

Протянул кубок гостю.

– Моя воля, разумеется. Но мне всё же хотелось, чтобы ты понял мотивы.

– Вам незачем оправдываться, государь, – дерзко, но всё так же потупившись, отвечал Филипп. Король поморщился.

– Да это не... Дьявол меня задери, я сам прекрасно понимаю, что значит – быть обречённым на женитьбу на практически незнакомой девице. Не просто так моё жениховство с Бесс тянется уже седьмой год... Похоже, ни мне, ни ей оно не приносит удовольствия, оно просто *удобно*, поскольку ограждает каждого от очередного сватовства, потому-то никто из нас давно уже не заикается о свадьбе как таковой. Ей и без того хорошо со своим Дадли, а мне хорошо... одному. Я же волк-одиночка, ты понимаешь?

С некоторой неловкостью Филипп кивнул. Похоже, он был шокирован откровениями монарха.

– Да ты садись, а то мельтешишь тут перед глазами. Садись, кому говорю, к чертям собачьим этикет, всё равно мы одни. Так вот, продолжу...

Его величество залпом осушил кубок золотого эстрейского.

– Мы друг друга, конечно, не любим. Это я про себя и Елизавету, – пояснил, спохватившись. – Но... уважаем, чтоб мне пусто было. Женщина она недюжинного ума, нестибаема, хитра, м-м-м... интересна, я бы даже сказал. Не особо красавица, в оспинах, ну, так и я не Аполлон... Хоть в народе до сих пор и перешёптываются о её происхождении, она Государыня *по рождению*, и мыслит, а главное – действует – по-государственному. Каков масштаб, каков размах, а? Как она осадил шотландцев, указав им на их место, однако! Вдвоём, конечно, мы многого достигли бы. Ты ведь помнишь, переговоры о браке были недолги. Я и впрямь подумывал... Всё, что нам остается сегодня – сделать совсем маленький шаг к венчанию, но вот только никто не хочет шагнуть первым. Но, видишь ли, Филипп, давно уже я заметил со стороны Бесс не то, чтобы заинтересованность...

Король задумался. Пощипал бородку.

– Не как мужчина я ей интересен, а как правитель. Понимаешь? – Тряхнул головой. – Словно какая-то ревность с её стороны, какая-то задетая гордость... Я перестроил и отделал Лувр – она отгрохала заново Виндзорский замок. Я приглашал для портретных галерей Леско и Джотто – она Рафаэля и Гольбейнов. Я победил в сражении орков – она скоттов. Я построил университет, она – два... Какое-то нелепое соперничество. И вот теперь она узнала, что к нам едет эта вдова с бесценной библиотекой...

– Но, государь, – осторожно вклинился в высочайшие размышления собеседник. – Библиотека-то в единственном числе! Или у Елизаветы на примете есть ещё одна престарелая знаменитость, и ваша невеста собирается ускорить её кончину, а перед тем – вынудить завещать всё бриттской короне?

– Коли так – я не возражал бы, пусть тешится, – фыркнул Генрих. – Но, видишь ли, гении рождаются и умирают не каждый день. Нет, на сей раз она разлетелась на мой личный кусок! Мой! Она вознамерилась переманить к себе рыжую вдовушку!

Филипп де Камилле осторожно поставил кубок на стол.

– А у неё есть какие-то особые аргументы? Что, собственно, она может предложить помимо того, что даст вдове благословенная Франкия? И откуда, собственно, такие сведения?

– Разведка у них хорошая, помнишь? Не хуже нашей. Ты и сам без особого труда разузнал кое-что о жизни этой девчушки... Дьявол, язык не поворачивается назвать её почтенной вдовой, ведь Бомарше мне в своё время все уши прожужжал о её юности и непоседливости. Так вот, бритты докопались до её возможного происхождения и, похоже, отыскали родню: на нашу гостью претендуют три близкородственных ирландских клана. Ты понимаешь, что может случиться, если им пообещать кое-какие политические уступки? Нет, они не будут прятаться по углам и похищать невесту откуда взявшуюся родственницу: они всего-навсего раскроют ей объятья, затуманят хорошенькую головку сладостными речами о родной крови, зелёных холмах, среди которых росла её мать, о могилах предков, о живых, что ждут – не дождутся возвращения потерянной дочери своего народа... О, молодые девицы весьма чувствительны к подобным вещам, я знаю! Её сманят у нас, ей-богу, сманят! Причём в самое ближайшее время, едва её премилая, как я слышал, ножка ступит на франкский берег. Если только Бесс не догадалась загодя послать наперехват кого-нибудь из своих «джентльменов удачи», хоть и заверяет весь мир, что те давно уже не занимаются каперством; но парочка Морганов или Дрейков наверняка осталась припрятанной у неё в рукаве. Говорю же – она хитра, как чёрт, и уж точно продумала несколько вариантов. Я бы, во всяком случае, продумал, а ведь она частенько мне подражает, я заметил... Гхм!

Король смущённо кашлянул. Плеснул себе ещё вина.

Филипп де Камилле сверкнул ореховыми глазами.

– Голубь с корабля прилетел с посланием, написанным отнюдь не впопыхах, и даже зашифрованным скорописью, как полагается, чтобы сэкономить место на шёлке. Значит, снаряжали его вдумчиво, не под влиянием каких-то трагичных обстоятельств... Нет, сир, думаю, если в море и была попытка перехвата – она не удалась. Оставшихся на прикорме у бриттской казны «джентльменов» не так много, к тому же, до шторма нас сопровождал почётный эскорт Османского флота...

– А после шторма? – рявкнул король, хмурясь.

Молодой граф скептически прищёлкнул языком.

– Нас разметало по Средиземноморью так, что, когда буря, наконец, утихла, на горизонте не было ни одного судна. Ни одного! Слишком большой разброс, и слишком малая вероятность того, что два судёнышка случайно окажутся прибиты друг к другу. Простите, сир, но я не верю в чудеса, а подобное положение, случись оно на самом деле, было бы ничем иным, как чудом. Даже если со стороны каперов готовилась попытка перехвата и похищения – им пришлось заняться спасением собственных шкур. Думаю, «Солнцеподобный» скоро войдёт в Марсельские воды. Стало быть... – Он запнулся. – Мне... встречать?

Генрих Валуа окинул собеседника испытующим взором.

– Да уж, невесту надо встретить. Хоть вдовушка и не подозревает, что она уже невеста, да ещё и твоя. Но не думает же она всю оставшуюся жизнь скорбеть по престарелому мужу, этакая красавица, свободная, богатая? Если ты не очаруешь её немедленно, твоей нерасторопностью воспользуется сотня-другая охотников. Слишком уж лакомый кусочек. И, должно быть, совершенно невинный... Как ты думаешь?

Граф как-то чересчур поспешно отвёл глаза.

– Она не глупа, хоть и красива, государь, – только и сказал сухо. – А уж что там было или не было между ней и мужем...

– Да брось! На Востоке, конечно, мужчины куда дольше сохраняют свою силу, но не до ста же с лишним лет! Ведь ты сам говорил: лекарь к ней не сватался, а получил в подарок от самого Хромца; а от подобных даров не отказываются. Скорее всего, растил он её, как куколку, как внучку или правнучку... – Король задумался. По-простецки почесал в затылке, сбив набок тонкий золотой обод, украшенный рубинами. – Впрочем, кто их знает, этих лекарей; хоть и упрекают: «Врачу, исцелися, мол, сам», да ведь всё может быть... Какая тебе разница? Ну, не невинна, и что? Получишь опытную жёнушку, не какую-то дрожащую под одеялом деву, а настоящую, страстную одалиску...

Рука графа судорожно, до хруста в пальцах, сжалась в кулак.

Он так и не повернул головы, упорно созерцая резьбу на портале камина.

Король помолчал.

– Неужели всё ещё любишь *ту*?

– Вздор, – по-прежнему сухо обронил де Камилле. – Столько лет прошло... Предательство не прощают.

– Не прощают. – Генрих кивнул. – Только, друг мой разлюбезный... Эх, был бы здесь сейчас остряк Пико, он бы тебя поддел должным образом, а у меня вот сообразительности не хватает, потому спрошу в лоб: ты о ком сейчас речь ведёшь, а? И почему, сколько помню, всегда отводишь глаза, когда речь заходит о графине Камю, или, как бишь её последний титул? Ты сам-то не сбился со счёта, отслеживая её мужей? Она и сейчас несвободна, да ещё за стариком, причём заметь: я лишь одобрил её брак, четвёртый, кстати, но не навязывал. По мне, три мужа подряд за неполных пять лет – уже перебор для добродетельной дамы. Но за неё вступились! Бедняга граф де Камю, ведь Франкии так нужны его вина, а он до сих пор не имеет наследника для передачи фамильных секретов, что согласен и на чужого, ведь согласился же усыновить сына твоей сильфиды от её первого брака. Только из-за этого я пошёл ему навстречу. Но имей в виду, – неожиданно жёстко добавил король, – что вопрос о смертях трёх предыдущих супругов Анжелики дю Мортен-Сансу-Фортран-Камю не закрыт!

Граф де Камилле устало потёр переносицу.

– Её первый муж погиб в сражении под Кале, сир. Напомню: не от пули в спину, а от ядра в грудь. Второй, как известно, сломал шею, сев на лошадь вдребезги пьяным и надумав перемахнуть ближайšie кусты, бахвалясь перед любовницей. Я ничего не путаю? Третий оказался болезненно тучным и вспыльчивым, ему часто пускали кровь и ставили пиявки, но апоплексия к подобным экземплярам людей равнодушна. Не вижу причин для подозрений. Государь, я больше *не* думаю об этой женщине, уверяю. Мне лишь неприятны воспоминания о ней, о разочаровании во всей женской породе... У меня было время и возможность убедиться, что в последнем я неправ. Сотни и тысячи дам заслуживают уважения и любви за свои достоинства и верность. Сир, не беспокойтесь: я постараюсь понравиться Ирис Рыжекудрой, как её называют в народе, и сделаю всё, чтобы наш брак был образцовым. У неё не возникнет желания покинуть Франкию. Разве что в качестве моей супруги, и совсем ненадолго, в рамках моих дипломатических поездок и под моим присмотром.

Взгляд короля смягчился.

– Клятвы не требую, – сказал отрывисто. – Твоё слово – золото. Только... – Замялся. – Лучше всего, конечно, если сразу после женитьбы ты наградишь её ребятыньком, да не одним. Уж это привяжет её к твоему дому крепче алтаря и колец. Женщины – они такие. Если дело касается их дитяти... К свету она непривычна, сидела безвылазно сперва в гареме Тамерлана, потом при муженьке; да и я нарочно не стану вызывать её ко двору, чтоб жила подальше от соблазнов. Ты же знаешь наших щелкопёров и адонисов: тотчас распустят вокруг неё павлиньи хвосты... Пусть себе сидит дома, забавляется книжками да драгоценностями; не жалею для неё ни бирюлек, ни кукол. А уж с библиотекой мы и без неё разберёмся. Ума не приложу, зачем Хромец её сюда вообще спровадил?

Филипп де Камилле лишь сдержанно вздохнул.

Ему ещё предстояло объяснить своему государю, как тот заблуждается, считая Рыжекудрую Ирис недалёкой глупышкой, избалованной престарелым мужем. Сам он за время пребывания в Константинополе не часто виделся с юной красавицей – и немудрено: после исцеления Огюста Бомарше, друга и дипломата, потерявшего руку, но разысканного друзьями и спасённого Аслан-беем, у графа де Камилле редко находилась повод заглянуть в дом чудо-лекаря. Разве что сама супруга Аслан-бея наезжала иногда в гости к подруге Ильхам, названной сестре, а затем и крестнице графа.

И всё же...

Филипп был очень наблюдателен.

Месяц за месяцем, год за годом он видел, как она менялась. Как из маленькой худышки, почти ребёнка, превращалась в рослую статную девушку, гибкую и крепкую, как лоза, изящную и грациозную, как лань, умную, скромную, воспитанную. Одинаково хорошо слагающую стихи на фарси, арабском, франкском и бриттском наречии, владеющую, к тому же, двумя древними языками – латынью и греческим; умеющую остановить кровь и заговорить неглубокую рану, исцелить простуду и немочь в спине, быть верным секретарём при учёном супруге и умелой хозяйкой, несравненную в страстном восточном танце и целомудренную при столь редких беседах наедине... Впрочем, какое там – «наедине», лишь условно! Как добрая супруга правоверного, Ирис Рыжекудрая, даже если встреча происходила с разрешения мужа, даже с почётным гостем, никогда не оставалась одна, но появлялась в сопровождении огромного чернокожего телохранителя, охраняющего жизнь и доброе имя госпожи.

Она была очаровательна. Добродетельна. Умна. А теперь – и свободна...

Беда в том, что сердце графа де Камилле было до сих пор занятым.

Ибо с четырнадцати лет, со дня сговора Антуана Клермона де Камилле и Константа дю Мортен, с того самого момента, когда «старик», которым едва перевалило за тридцать пять – женились и порождали наследников в те времена чрезвычайно рано! – огласили на всю столицу о помолвке своих детей, Филиппа и Анжелики, для молодого графа прочие женщины и девушки исчезли. Это были чужие невесты, чужие сёстры, жёны, матери, фаворитки, служанки – но не женщины. Всех заслонила Она.

Яд предательства невесты лишь напитал его любовь горечью, но не выел до конца. Филипп, увы, лукавил перед своим сюзереном, и ничего не мог поделать: он так и не забыл прелестную лгунью. Да, он исполнит долг перед отечеством и перед родом де Камилле, но в памяти навсегда останутся лучистые синие глаза в нежнейшую фиолетовую крапинку, ямочка на левой щеке, едва заметный шрам над верхней губой, оставленный хлестнувшей когда-то вишнёвой веткой, не вовремя им самим выпущенной из руки...

Друзья посмеивались над его истинно рыцарским обращением с женщинами, и после появления в его покоях Ильхам шутили, что наверняка, по примеру Тристана и иже с ним их чересчур праведный друг кладёт на ложе между собой и «подарком» меч. Вольно же им было смеяться... Он всего-навсего думал о судьбе девушки, которой предстояло вернуться в христианский мир и попасть под обстрел насмешек, унижительно-презрительных взглядов, откровенных оскорблений. Как же – султанская шлюха... И потому, когда женихом Ильхам-Марианны, рискнувшим её похитить, в первую же брачную ночь была доказана непорочность невесты – внутренне ликовал. Хоть и не без доли тщеславия. Его умение обуздать порывы плоти, нет-нет, да и зовущей согрешить, было вознаграждено обелённой в глазах света репутацией прекрасной девы. Да уж, Последний Рыцарь...

Синие глаза в душных и мучительно-плотских снах взирали с одобрением и с некоей долей обещания. Когда-нибудь... когда-то возможно и нечто новое между ними... Они ведь ещё так молоды...

Ничего, он женится – и исцелится от этой заразы.

Какое-то время он тупо вглядывался во что-то солнечно-рыжее, так и брызнувшее ярким окрасом в глаза, пока не сообразил, что смотрит на длинный женский плащ, подбитый лисьим мехом. Его, по-видимому, уже давно держал согнувшийся в поклоне лакей, неведь когда просочившийся в королевский кабинет.

– Мой подарок госте прекрасной Франкии.

В голосе Генриха Валуа сквозило неприкрытое удовлетворение. Ещё бы! Такие меха из далёкой Тартарии ценились не меньше собольих и горностаевых, как самые тёплые, ибо только в лесах, где по полгода трещат лютые морозы, лисицы обрастают столь густо.

– Хоть она по крови и ирландка, а к нашим снегам ещё не привыкла. Да мне самому-то не по себе – такой холод в апреле... Поедешь в карете?

– Благодарю, сир.

Граф принял от слуги бесценный королевский дар, невольно залюбовавшись пламенными всполохами.

– ... Пожалуй, доеду только до Эстре. Там испрошу у герцога разрешения на переход через Старый портал, чтобы попасть сразу в Марсель.

– Резонно. Так оно быстрее. Жильберт уже готовит встречу, так что примкнёшь к его свите, а затем постепенно привлечёшь к себе внимание нашей рыжей прелестницы. Ну, не мне тебя учить. Дамы млеют от тебя пуще, чем от красавчика Ангеррана, даже если ты не обращаешь на них внимания; не устоит и эта малышка. Я в тебе уверен.

... Запахнувшись в тёплый собольи плащ, Филипп де Камилле покидал Лувр по одному из тайных коридоров, о существовании которого знали немногие. Не хотелось сейчас ни видеть кого-либо, ни тратить время на никому не нужную придворную болтовню. Улица Риволи встретила его очередной охапкой мокрого снега в лицо и холодным влажным ветром с Сены.

Карета ждала неподалёку.

Филипп помедлил, пропуская неторопливо проезжающий мимо возок, судя по миниатюрным размерам – одноместный, но, тем не менее, с небольшим гербом на дверце. Молодого графа словно что-то толкнуло в грудь; он так и впился взглядом в затянутое морозной паутиной оконце. Кто там? Кто? Отчего так неистово забилося сердце?

Метель, взвизгнув в домовых трубах, неожиданно затихла. Опала. Засияли масляные фонари, чьи огоньки, спрятанные от ветров и непогоды за толстыми стёклами, ещё недавно почти не были видны, а сейчас разгорелись весело и ярко, прогоняя вечерний сумрак. Изящная ручка в бежевой перчатке откинула изнутри экипажа занавес и потёрла стекло, пытаясь счистить изморось. Та держалась крепко, а потому – отходила неровными полосами.

Некто по ту сторону дверцы приблизил лицо к образовавшемуся просвету.

На графа де Камилле глянули лучистые синие глаза. В просвете ниже, под полосой, не подавшейся женской ручке, мелькнули губы, бледные, как розовые лепестки, совершенной формы.

Что она делает здесь, вдали от Камю?

Узнала ли она его? Их взгляды встретились лишь на мгновенье, Филипп же, выходя на холод, успел накинуть объёмистый капюшон, наверняка скрывающий сейчас пол-лица. Да и возок не стоял на месте, двинулся далее, к парадному въезду.

Она приехала к королю?

Да нет, вздор. Наверняка к одной из подруг, вьющихся вокруг одинокого монарха и всё не оставляющих надежды пробиться если не к сердцу, так хотя бы к ложу. Не исключено, что и самой Анжелике пришлось в голову попытать счастья на этой же почве. С неё станется.

Не думать о ней...

Филипп де Камилле стиснул зубы.

Его ждёт невеста. Пусть даже она ещё не подозревает, что ждёт. Юная, невинная душой и помыслами. Неспособная предать. Он достаточно узнал её за три года, чтобы убедиться в её чистоте.

...Последний Рыцарь пытался заставить себя думать об Ирис, а сам долго ещё смотрел вслед возку, не замечая, как хлещет по щекам ожившая вьюга.

Глава 1

Воистину, рассвет в открытом море прекрасен и неповторим. Поцелуй просыпающегося солнца одинаково ласков и для простых смертных, и для богов, и для старцев и юношей, и для молоденьких девушек и безутешных вдов... А уж если тебе лишь девятнадцатый год, а ты вольна направить свои стопы, куда угодно, и за спиной у тебя, как олицетворение твоей свободы и надежд, хлопают паруса, подкрашенные алым – то каждый восход солнца кажется знаменем новой жизни, полной чудес. Хоть немного страшно, но хочется, наконец, окунуться в эту новизну с головой.

Седьмой рассвет в открытом море...

Каждый раз – новый, непохожий на остальные. Оставляющий сожаление лишь об одном: что рано или поздно плаванье закончится – и долго ещё не увидишь это дивное зрелище, феерию розовых всполохов на воде и в небе...

За истекшую неделю Ирис, как ей казалось, привыкла к качке, и к тому, что приходилось порой придерживать во время обеда тарелки, чтобы не съехали со стола, и к намертво прикреплённой к полу каюты мебели. Хорошо, что эфенди каждое лето брал её с собой на прогулки по Босфору, и прогулки по морю были ей не впервой. Конечно, небольшая шебека с тремя косыми парусами и в подмётки не годилась нынешнему громадине «Солнцеликому», но там для Ирис был огорожен небольшой кусочек кормы, откуда она могла любоваться окрестностями, не привлекая нескромных взглядов команды. Два-три заплыва вдоль живописных берегов – и молодой организм приспособился к новому виду передвижения. Девушка навсегда забыла, что такое «морская болезнь», и получала от прогулок, сопровождавшихся интереснейшими рассказами Аслан-бея, истинное наслаждение.

В открытом море, конечно, волна чувствовалась сильнее. Но ко всему можно было приспособиться. Изрядно раздавшийся вширь и ввысь Кизилка нашёл себе превосходную новую когтеточку в виде основания одной из мачт и приноровился при чересчур сильном наклоне палубы намертво вцепляться когтями в доски настила. Уже немолодая нянюшка Мэг научилась отчитывать за нерасторопность молоденьких юнг, доставляющих важным гостям еду из камбуза и по необходимости прибиравших в гостевой каюте, когда женщины отсутствовали. Сама Ирис – та уже привыкла ко взглядам искоса, украдкой, что нет-нет, да чувствовала спиной, дважды в день выходя на палубу подышать... Вышколенные матросы, хоть и не позволяли себе не то что лишнего – но даже посмотреть в открытую на достопочтенную госпожу, нет-нет, да и скашивали глаза в сторону хрупкой женской фигурки, закутанной в плотное покрывало и появляющейся на носу судна в сопровождении чернокожего громилы и пожилой служанки. На вдове чудо-лекаря так и чудился отпечаток тени её благородного мужа, который многим здешним воякам спас руки и ноги, покалеченные в боях, а то и не дал помереть. Да, так уж вышло, что в лазаретах и больницах для простых людей Аслан-бей почитали не менее, чем во дворцах, а то и сильнее.

Нынче же, выждав положенных три месяца глубочайшего траура, его вдова исполняла волю покойного, подкреплённую желанием самого султана: везла гяурам целые кладовые мудрости, накопленной за всю жизнь её учёным мужем. Справедливости ради, надо сказать, что в султанской обсерватории и в книгохранилище осело куда больше рукописей и магических артефактов, чем в трюмах одного из лучших кораблей Османского флота; свою отчизну мудрец не обделил. Что ж, пусть и иноверцам перепадут крупницы того, кто в доброте и милосердии понимал: для знаний нет границ. Значит, так надо...

Конечно, всех на корабле так и разжигало глянуть на молодую вдову. У необыкновенного старца и жена, должно быть, необыкновенна. И впрямь, даже плотная чадра не могла

скрыть тонкости стана и привлекательности форм, гибкости движений, лёгкости походки; каждый выход её сопровождался тончайшим звоном украшений и шлейфом цветочных ароматов. Должно быть, избранница Мудрейшего столь прекрасна, как и добродетельна. Говорят, покрывало она снимает лишь в каюте, оставшись наедине с немолодой нянюшкой, и даже при встречах с капитаном скрывает лицо под густой вуалью. Прекрасный пример для жён и вдов; но, однако же, как она думает в дальнейшем общаться с европейцами? Эти бесстыдники её засмеют, ведь у них никакого почтения к женщинам, раз тем дозволяется появляться запросто с открытыми лицами. Впрочем, т-с-с, обсуждать чужие обычаи – во всяком случае, во время этого рейса, пока на борту находится франкский посол – матросам и офицерам строжайше запретили. Дабы не случилось инци. . . одним словом, неприятностей, могущих плохо сказаться на дружбе двух великих держав.

Ирис ощущала украдкой бросаемые взгляды, однако не пугалась и не смущалась, улавливая лишь любопытство, но не похоть, упаси Аллах, и не желание причинить вред. Дорогой эфенди помог ей развить эту удивительную способность – чувствовать подсознательные посылы и намерения людей, дабы понимать, не грозит ли с их стороны опасность. Он всегда заботился о ней, её названный отец, всё время их недолгого, но кажущегося тогда бесконечным и незыблемым, брака, помня, что когда-нибудь его маленькая джаным останется наедине с суровым миром. Тогда ей придётся рассчитывать только на себя и свои силёнки. . . Эфенди даже настоял, чтобы Али привил ей навыки обращения с кинжалом – пусть хотя бы для возможной самообороны, но мало ли, какие возникнут обстоятельства? Девушка должна уметь постоять за себя, пока не подоспеет помощь. Говоря об особых точках на теле человека, показывая на практике, как ставить целебные иглы, Аслан-бей пояснял – на греческом или латыни, чтобы не волновать ничего не подозревающего пациента – какую жилку можно пережать, чтобы, например, у возможного насильника внезапно отнялись руки и ноги. Понимая, что его маленькая джаным никогда не станет хоть отдалённо похожа на подругу-воительницу, нынешнюю султаншу, которая даже в ТопКапы не забывала боевые приёмы своего племени, эфенди учил свою любимицу признавать слабость женского тела, и в обороне использовать иное: гибкость, сообразительность, ловкость, тонкий расчёт и знания. Маленькая юркая гюрза может иной раз натворить куда больше бед, чем могучий, но туповатый вепрь, который от укуса крошечных зубок рухнет на ходу, как подкошенный.

Эфенди. . .

Ирис сморгнула непрошенные слёзы.

Подставила лицо рассветному солнцу.

Это он, наставник и супруг, приучил её к утренним и вечерним прогулкам. К тому, чтобы, по примеру хиндусских аскетов, йогов и брахманов, вглядываясь в розовеющий диск светила, вбирать его силу и мудрость. Разгонять по жизненным каналам энергию Цинь, Ки, Прану – она не только очищала тело от немощей, но и пополняла магический резерв. . . После таких утренних ритуалов клумбы Ирис с целебными травами, благословлённые маленькой хозяйкой, расцветали пышными соцветьями и колосками, кудрявились зеленью; полезные корешки в обычной, лишь слегка удобренной почве, толстели и наливались соками. Аптекари Константинополя неделями ждали, когда подоспеет их очередь – получить охапку трав и корзину корней из сада Ходжи Аслан-бея, ибо, не отличаясь внешне от диких собратьев, эти растения проявляли воистину волшебные свойства.

И никто не догадывался, что виной всему – маленькая цветочная фея, что под крылышком мудрого наставника спокойно пестует свой чудесный дар.

. . . Рассветное солнце. . .

Здесь, в открытом море, оно смотрелось иным, чем с крыши Константинопольского дома. Там, словно погружённое в туман, паривший над Босфором, оно неторопливо всплывало, чтобы озарить побледневшее небо, заиграть алыми бликами на куполах и минаретах, на вели-

чавых стенах ТопКапы и дворцах, на белых домишках ремесленных кварталов. Вместе с дневным светилом, бурча необъятным чревом дворов и ворочаясь после сна, наполняясь голосами и жизнью, оживал древнейший город.

В море же розовый диск выныривал прямо из-за ровнейшей линии горизонта – так и хотелось сказать – «земного диска». Хоть Ирис давно уже знала, что Земля не плоская, а шар, и уж здесь-то, в самом центре огромной чаши, до краёв заполненной лазурным водами, невооружённым глазом можно было разглядеть, как по окоёму изгибаются книзу кромки этой чаши, чтобы убедиться: да, шар, правы учёные мужи... Поскрипывали за спиной снасти. Перекликались резкими неприятными голосами чайки, даже вдали от берега умудряющие поспевать к часу, когда кок выбрасывал из специального люка кухонные отбросы; весело пересвистывались и потрескивали дельфины, юркими веретёнцами выскакивая из воды, словно гоняющие наперегонки с тяжёлыми, как кашалоты, корабельными тушами...

– Штиль, госпожа, – негромко сказал Али за её спиной. – Чувствуете? Ветра нет совсем.

– Это хорошо или плохо? – осторожно спросила девушка. Понимая своё полное невежество в морских делах, она предпочитала лишний раз переспросить, чем попасть впросак.

– Скорее плохо. Паруса провисли, можем застрять на месте надолго. Если только капитан не посадит на вёсла гребцов.

Ирис ужаснулась.

– Каторжных? Разве они здесь тоже есть?

– Они отдыхают, госпожа. До того, как появится в них необходимость, – лаконично ответил Али.

О, бывший раб мог бы рассказать ей многое; но щадил чувства юной ханум.

О том, каково приходилось рабам на галерах, знали, в основном, понаслышке, или из уст тех бедолаг, которым довелось умереть на берегу. Прикованные к сиденьям-банкам, несчастные были обречены провести на галерных скамьях практически остаток жизни. Если гребцу, сомлевшему от тяжести весла, не помогали при обмороке ни холодная морская вода, ни удары плетью – его просто-напросто выбрасывали за борт, не тратя времени. На любых торгах можно было приобрести новых, причём задёшево, ибо непокорные рабы, бунтовщики и преступники, которых слишком дорого содержать в зинданах, не нужны в порядочных домах: слишком много хлопот с приручением, да и кто согласится держать под боком головорезов? А вот на галерах с ними прекрасно управлялись надсмотрщики; в помощниках у них были плети, колодки, кляпы – и десяток-другой солдат, которым, в силу характера их занятий, сострадание чуждо.

Да, гребцы очень редко умирали на суше...

Если судно попадало в шторм, либо бралось на абордаж, а затем топилося или сжигалось – о несчастных, прикованных к скамьям, не вспоминали. Слишком долго снимать колодки, расковывать... Спасти бы драгоценные жизни свободных людей.

Ирис «повезло» в одном: для перевозки наследия Аслан-бея выделили лучший корабль Османского военного флота, флагманский галеас, шедший, в основном, под парусами. Четырёхмачтовый красавец, настоящий гигант по сравнению с боевыми галерами, он был оснащён двойным комплектом прямых и косых парусов, и при попутном ветре мчался, как стрела. Оттого-то с самого начала путешествия не возникало необходимости в вёсельном ходу. В быстророходности этот галеас намного превосходил европейские каракки и каравеллы, и путь из Константинополя в Марсель намеревался одолеть не за три недели, а за девять-десять дней, в очередной раз посрамив испанских и бриттских – ну, и совсем немного, по-дружески – франкских мореходов.

Потому-то, пока дул попутный ветер, гребцы берегли силы, отсиживаясь и отлёживаясь на своих рундуках – больших морских сундуках, установленных вдоль бортов и предназначенных для спанья и хранения нехитрого скарба. Тент, натянутый над нижней палубой, защищал от палящего зноя; воды и морских сухарей хватало. Новый адмирал, сменивший три года

назад предшественника, казнённого за участие в заговоре, оказался хоть и весьма прижимист в финансовых вопросах, но и практичен, и предпочитал, насколько возможно, держать рабов сытыми. Хороший стратег, он понимал, что может настать момент, когда именно от этих рабочих скотинок будет зависеть исход решающего сражения, победа или смерть самого флота.

Оттого-то на «Солнцеподобном», куда адмирал частенько навещался с проверками, галерная служба, хоть и оставалась нелёгкой, но не отнимала у гребцов надежду, что однажды они отработают свои пять лет каторги, которые на прочих судах почти никто не доживал, и снимут рабские ошейники.

– Штиль, госпожа, – замедленно повторил Али, всматриваясь в горизонт. Эбеново-чёрное лицо его застыло. – Если не что-то хуже...

– А что может быть хуже? – наивно осведомилась Ирис. И забеспокоилась. – Что ты там видишь?

Телохранитель сдвинул брови. Сощурился.

– Вот там, неподалёку от островка, смотрите...

– Там два островка, Али. – Ирис, в свою очередь, прищурилась. – Что в них странного?

– То, что на самом деле остров только один. Другой, что дальше и темнее – скопление туч, которое, похоже, только начинает проявляться... Дважды на моей памяти такие безобидные тучки перерождались в шторм. Пойдёмте, я провожу вас в каюту, госпожа, и переговорю с капитаном. Он – человек бывалый, лучше меня определит, что это такое и чем грозит, ибо, возможно, что я и ошибаюсь. Но будьте готовы к сильной качке.

Побледнев, девушка вновь окинула взглядом безмятежную водную гладь.

Ничто не предвещало даже малейшего дождика. Абсолютно безоблачное небо. Идеальная водная гладь, шевелящаяся словно нехотя – корабль почти не качало. Воздух застыл, густея и наливаясь дневным жаром. Дельфины...

А вот весёлых игрунов не было. Всю неделю они сопровождали маленькую эскадру, а теперь вот – пропали.

У самой линии горизонта, далеко-далеко за пресловутым «островком», Ирис вдруг взглядела на синей глади белую полосу – будто созрел и катился в их сторону пенный вал. Это при полном безветрии-то.

Что ж. Море есть море. Хвала Аллаху и всем святым, что им выпала целая спокойная неделя! Ничего, всё обойдётся. Корабль крепок, экипаж ловок и опытен, глядишь – благополучно переживём и шторм.

Стало быть, надо спокойно вернуться в каюту. Дождаться вестей от Али. Предупредить и успокоить Мэг, подумать, куда бы спрятать Кизилку... Впору привязать к койке или к матросскому гамаку, чтобы не летал по комнатке, цепляясь за всё и всех, когда начнётся заваруха. Да, обязательно освежить в памяти, как вести себя во время бури на море! Эфенди оставил для неё много записей, и особо – советы о безопасности в путешествиях совершенно разных: на суше и на море, на реке или в горах. Главное – не бояться, не суетиться и не путаться под ногами у мужчин, потому что все заботы лягут на них.

За бесценный груз, наследие Аслан-бея, можно не волноваться, он хорошо упакован в водонепроницаемые ткани. К тому же, каждый сундук, ящик и ларец обиты накладками из пробкового дерева, выкрашенного в ярко-жёлтый цвет, чтобы в случае гибели корабля легче было найти на воде. Вспомнив об этом, Ирис судорожно вздохнула. Осталось ли на свете то, чего не предусмотрел её мудрый супруг?

И уж конечно, он не отправил бы её на верную гибель. Ведь сам он, по его словам, благополучно пережил дюжину морских путешествий. А этот самый галеас, на котором она плыла, по рассказам капитана Джафара-аги, выдержал восемь ураганов и прошёл через пять крупных сражений – и до сих пор цел. Не зря же сам Великий султан избрал именно его для перевозки

двух сокровищ... На этой фразе капитан тогда запнулся, но Ирис каким-то чутьём уловила, что под вторым сокровищем паша Джафар подразумевает именно её, Ирис Рыжекудрую.

Она порозовела при одном воспоминании о том неловком моменте.

Плотнее завернулась в покрывало, несмотря на наступающий зной, и последовала к трапу, ведущему на среднюю палубу, а оттуда – в свою каюту.

Всё будет хорошо, твердила она себе. На этом корабле с ней ничего плохого не случится. Не зря же он называется...

«Солнцеподобный».

А ещё раньше, до прихода к власти Хромца это был «Солнцеподобный Баязед».

К этому жёсткому взгляду – жёлтого и голубого глаза, к рысьему подозрительному прищурю невозможно было привыкнуть, даром, что в последний месяц Ирис бывала в ТопКапы через два дня на третий и разговаривала с Хромцом больше, чем за всю предыдущую жизнь. Именно разговаривала, а не отмалчивалась, как это бывало при их предыдущих встречах. В день своей свадьбы, когда султан передавал её будущему мужу, ей, как невесте, полагалось лишь стыдливо наклонить голову, сохраняя безмолвие. Во время же редких визитов Солнцеликого к своему учёному другу она, как воспитанная супруга, лишь распорядилась об угощении и отдыхе для гостя, а сама и носа не показывала, ибо нечего женщине мешаться, когда беседуют великие мужи.

Во время сборов к отъезду ей приходилось видеться с султаном всё чаще.

Слёзы после похорон Аслан-бея ещё не высохли, когда в дом покойного явился Главный Визирь и огласил волю Высочайшего. Тот, как главный хранитель завещания своего учёного друга, ставил в известность, что с нынешнего дня вдова Аслан-бея находится под его покровительством, а потому – ей временно не разрешается принимать посетителей, пусть даже и явившихся выразить соболезнование. В дом, лишённый хозяина, под видом скорбящих могут проникнуть нечистые на руку любители старинных книг и загадочных предметов, собранных престарелым мудрецом; или просто охотники за приданым, уверенные в неопытности новоиспечённой вдовушки и задумавшие склонить её к новому браку, суля защиту и покровительство. Защита и покровительство у неё есть и без их помощи! Не просто так на воротах осиротевшего дома уже показательно проставлена Малая Печать Тамерлана, вырезанная для особых случаев, когда нужно обозначить незримое присутствие Повелителя и показать всему миру: сей дом – под высочайшим присмотром! И недаром, по сообщению верного Али, лучшие охранники из гильдии телохранителей призваны нести дежурство день и ночь, охраняя печаль Рыжекудрой, не позволяя никому тревожить её в великой скорби. Лишь благородному племяннику усопшего, его супруге Айлин, и, разумеется, самому султану разрешалось пересечь границу печати.

Ирис оставалось лишь склонить голову перед волей султана. И сорванным от рыданий голосом кое-как прошептать слова благодарности. Она и сама менее всего жаждала сейчас общения с кем бы то ни было. Отсекая своей волей поток соболезнующих от её дома, Хромец, сам того не зная, подарил осиротевшей девушке то, к чему сейчас стремилось её сердце: тишину и покой.

Впрочем, затворницей она так и не стала. Потому что тот же посыльный наивысочайшего ранга передал ей повеление явиться в ТопКапы. Нет, не немедленно, но не позднее, чем через неделю, дабы навестить супругу повелителя и маленьких шахзаде. Самой Ансе-Ну-Рии, блистательной нубийской принцессе, не разрешалось покидать гарем, ибо она вновь носила под сердцем дитя, и её супруг не желал рисковать ни им, ни его матерью. И теперь султанша скупала (понимай: гневалась и беспрестанно раздражалась), а общество любимой подруги призвано было развлечь и успокоить её.

В ту первую за три года поездку во дворец девушка так и не увидела султана. Она с удивлением и волнением любовалась двухлетним смугленьким, но отнюдь не чернокожим, не в мать, малышом в красном с золотом кафтанчике, с замиранием сердца глядела, как он мчится на крошечной полосатой лошадке по утоптанному взрослыми конями песчаному кругу и вопит от восторга; то и дело, не в силах сдержаться, тискала прелестную девчужку, с личиком почти беленьким, с раскосыми глазками, с точёным носиком, даже в таком нежном возрасте удивительно похожую на бабушку-валиде, и оттого – её любимицу. Тёмная, как эфиопская ночь, супруга сумела угодить Солнцеликому, подарив ему такого наследника, что не смутит будущих подданных иным цветом кожи; и наследницу, так и копирующую во всём его уважаемую родительницу. Воистину, Марджина родилась под счастливой звездой. И пока та, как многие ночные светила, имеющие свойство время от времени срываться и падать, не зашаталась – спешила приколотить её к небосводу покрепче. Новой привязанностью, новым наследником. Даже если очередной шахзаде уродится чистокровным нубийцем – ему выпадет честь стать наместником африканских провинций.

В нескончаемых разговорах, раздачах подарков и ласк Ирис и не заметила, как отступила тоска по оставившему её эфенди. Конечно, она тосковала, несмотря на то, что любимый наставник и муж, как она сейчас понимала, старался заранее смягчить удар от своего предстоящего ухода. Весь последний месяц он не раз словно вскользь напоминал о своём преклонном возрасте и возможном скором приходе Той, Которая Никого Не Минует, но его джаным старалась не думать о печальном, о самой возможности того, что однажды названный отец её покинет. Хоть тревога уже поселилась в её сердечке. Она, познавшая за три года супружества прелесть долгих прогулок, хождений в гости, уединений с интересной умной книгой, сейчас не отходила от своего покровителя, следуя за ним по пятам, стараясь быть незаменимой; отступая лишь тогда, когда ему нужно было покинуть дом по собственным делам или встретиться с учениками и сотоварищами-лекарями. Ведь до последнего дня он был энергичен и полон сил, а потому Ирис с лёгким сердцем помчалась в дом Али-Мустафы, когда запыхавшийся мальчик-посыльный прибежал с вестью о начале схваток у Айлин. Потом-то она вспоминала, что, выслушав послание, эфенди от волнения побледнел... и отчего-то прикрыл глаза ладонью. Махнув рукой, отпустил мальчика, помолчал немного. И как-то особенно ласково взглянул на молодую супругу.

– Что ж, джаным, настала и твоя пора пройти испытание в лекарском деле. Езжай без меня. Мыслями я с тобой, но хочу, чтобы сегодня ты справилась сама. Дай, благословлю тебя, во имя Аллаха...

Уже много позже Ирис поняла: так он с ней простился.

Ей уже приходилось несколько раз присутствовать и даже помогать при родах. Поэтому сама Луноликая просила, чтобы в день родин ей помогала именно бывшая ученица, ибо сам эфенди не раз с одобрением отзывался о её лёгкой руке, чутье и невероятном умении как-то договариваться с женским организмом. Многие роженицы шептались, что в присутствии жены Аслан-бея вялотекущие схватки переходили в нормальные, или, напротив, ежели до её появления шли чересчур энергично – в меру ослабевали, и тогда важнейший для матери и дитяти процесс шёл в нужном ритме. Если детёныш лежал в материнском чреве неправильно, то даже без вмешательства Ирис, только при её советах, основанных на ощупывании чрева и интуиции, поворот плода осуществлялся повивальной бабкой легко и правильно. Но главное – роды не осложнялись ни разрывами, ни кровотечениями, ни возможными последующими горячками, от которых, говорят, в Европе умирала каждая третья мать.

Итак, Ирис помчалась к Айлин-ханум. И в положенный срок сама – сама! – приняла у неё здорового, орущего во всю силу крошечных лёгких, мальчика, обтёрла, удивляясь горластости – крик новорожденного, как правило, больше похож на мяуканье, чем на вопли – и вручила оцепеневшему от счастья отцу. За мгновение до того, как попасть в руки родителя, младенец

вдруг замолчал – и круглыми карими глазами уставился на ту, что помогла ему явиться в мир, до того радостно и с таким жадным любопытством, что ей стало не по себе.

Но совсем скоро она услышала новую весть, скорбную, от которой побелел и переменился в лице Али-Мустафа, и помчалась домой, плакать над телом мужа, даже после смерти своей улыбающегося ей как прежде.

...Покидая ТопКапы и сиятельную подругу, она, поглядывая сквозь полупрозрачные занавеси портшеза, бросила взгляд на высохший Фонтан Палача, давно не источавший живительной влаги, и горько усмехнулась.

Однажды, несколько лет назад, уезжая отсюда в неизвестность, наивная одалиска, трепеща, загадала желание: вот бы покинуть Сераль и оказаться в прекрасной сказочной стране Франкии, подальше отсюда, и хорошо бы не одной, а с живой и здоровой любимой нянюшкой Мэг... И теперь, совсем скоро её желание сбудется. Своё завещание дорогой эфенди озвучил ещё на самых первых занятиях, и с той поры Ирис твёрдо знала, с какой целью вкладываются в её рыжую голову бесценные знания не только по систематизации книг, но и по их содержанию, не только сведения о науках, дабы правильно сортировать и распределять свитки, но и сами эти науки... Не все, конечно, ибо, как любил повторять эфенди, невозможно объять бесконечность; но то, что давалось, Ирис удерживала в цепкой памяти навсегда. Боролась с собственной непоседливостью и неумением высидеть на одном месте более четверти часа, помногу вычитывала непонятные в книгах места, засыпала вопросами обожаемого Учителя, с его разрешения тайно присутствовала на многих учёных беседах, когда от долгой неподвижности при сидении за библиотечными шкапами затекало тело. Всё ради того, чтобы однажды выполнить волю названного отца. Не подвести. Чтобы вся Европа, весь мир за границами просвещённой Османии узнали о его мудрости и талантах.

Пока портшез проплывал мимо Фонтана, она вспоминала себя, пятнадцатилетнюю, совершенно пустоголовую, как ей сейчас казалось, со смешными чаяньями и надеждами... Нет, под счастливой звездой родилась не только Анса-Ну-Рия, когда-то простая одалиска, её лучшая подруга, а ныне единственная султанша. Есть где-то там, наверху, у Ирис свой небесный покровитель, добрый дух или Ангел-хранитель, что отвращает от неё превратности судьбы и выстилает войлоком дорожку по жизни. Хоть и кажется иногда, что та усеяна терниями и битым стеклом.

А потом она спохватилась, что до сих пор не навестила Айлин и новорожденного. Лишь на похоронах увидела племянника мужа, но так и не справилась о здоровье супруги и нового наследника; бывший военачальник, нынешний руководитель Школы янычар, как старший мужчина рода, был занят печальными обязанностями распорядителя похорон, а Ирис... скорбела, о, как скорбела! Ей было не до расспросов. Ножом по сердцу резал вопль плакальщиц, особо старающихся по случаю проводов в мир иной великого и уважаемого всеми человека...

Эфенди не одобрил бы её забывчивости. Покачал бы головой. «Печаль печалью, джаным, а есть ещё долг лекаря перед пациентом. Соберись с мыслями, живи, как я тебя учил – и я буду тобой гордиться, куда бы ни занесла меня Разрушающая Дворцы и Разгоняющая Собрания».

Она словно наяву услышала родной голос. И даже вздрогнула, оглянувшись. Но лишь колыхнулись шторы паланкина, да замедлилась поступь носильщиков, решивших, очевидно, что госпожа, должно быть, что-то позабыла, раз крутится по сторонам; и не велит ли она повернуть назад?

Но та молча махнула платком: идём дальше!

А, усаживаясь в карету, приказала отвести себя в дом почтенного Али-Мустафы-аги.

Кто ж знал, что именно там она и встретит Хромца...

Традиционно вход в женскую половину дома располагался со стороны сада. По разумению Ирис, обычай весьма удобен, а не унизителен, как десятки раз пытался внушить ей Огюст Бомарше, давнишний друг семьи, логично вроде бы доказывая, что уважающей себя знатной

даме полагается являть себя не иначе, чем в парадных дверях, а не красться откуда-то с задворок. Что бы он понимал! А ещё дипломат, консул... Заходить с бокового, и отнюдь не чёрного, не для прислуги, хода (каковой, разумеется, также присутствовал в османских домах) было порой очень удобным. Отчего? Да оттого, что не привлекаешь зевак, которые слоняются на центральных улицах и пожирают проезжающие кареты и портшезы глазами. Любой визитёр богатого дома подвергался с их стороны самому придиричивому осмотру, а порой и язвительным насмешкам – в зависимости от ранга и положения «жертвы» в обществе. Впрочем, стоило праздным наблюдателям убедиться, что прибыл не гость, а гостья – они в деланном смущении отворачивались, зарабатывая косоглазие в попытках рассмотреть, насколько богато покрывало, закутывающее женщину с ног до головы, золотом или серебром шиты красные тувельки; да ещё и на слух пытались определить, звенят ли на ней украшения, и много ли их... Должно быть, ни один город мира не избавлен от подобных прилипал, назойливых, как июльские мухи.

Одним словом, заезжать со стороны фасада для Ирис представлялось сущей пыткой. В совместных поездках с Аслан-беем, выходя из экипажа, она как бы терялась в тени мужа, статного и высокого, несмотря на возраст; со спины её прикрывал Али, сбоку семенила Мэг или служанка... А вот, выезжая одна, девушка предпочитала обогнуть нужный дом с тыла. Там уже была приватная территория, и случайно забредших празднующихся могли запросто вытурить садовник или охранник. Ведь именно за небольшими садовыми калитками скрывались, как правило, выложенные плитами или цветными камушками дорожки, ведущие через розарии к дверям в женские обители османских жилищ. А потому – ни случайные прохожие, ни даже нищие не рисковали нарушать общепринятых правил приличия и пятнать своим присутствием садовые ограды.

У скрытого от посторонних глаз приезда было ещё одно преимущество. Можно было потихоньку послать слугу заглянуть за угол, выяснить, не дежурят ли у главного входа чужие кареты или носилки. Если есть гость, и важный – лучше заехать позже или в другой день. Очень удобно.

Вот и сейчас: после того, как карета по соседним улочкам обогнула особняк бывшего аги, теперешнего Главного Наставника янычар, Ирис постучала особым образом в тыльное окошко возка, и бойкий Назар, мальчонка-славянин, приставленный к ней для мелких поручений, сорвался с запяток и застучал пятками по булыжной мостовой. Девушка сокрушённо покачала головой. Сколько ни приучай этого сорванца к туфлям – без толку. Неслух бегаёт босиком, нахально заявляя, что, представьте, забыл обуться! «Ага, забыл, ханум, мы ж сроду обувки не знали, нищие мы... Одни сапоги в дому водились на всех десять брательников». Его и в рабство-то продали свои же, чтобы избавиться от лишнего рта. Оттого Ирис жалела мальчонку, не ругала слишком уж за озорство, хоть иногда и следовало.

Всем на удивление, Назарке покровительствовал Али. Мало того: несмотря на протесты хозяйки, бывший чудо-массажист, а теперешний член Гильдии наёмников, принялся обучать отрока всяким своим профессиональным штукам, пока безобидным – как подкрадываться бесшумно, как быть незаметным в толпе и юрко проходить через неё, словно шило сквозь кусочек кожи... Ирис подозревала, что ей известно далеко не всё. А поскольку не хотела для малого участия платного убийцы – сопротивлялась, как могла.

Жалела, одним словом. И даже подумывала, не похлопотать ли за мальчонку перед Али-Мустафой? Грамоте она парнишку научит, на волю отпустит... В янычарах полно выходцев из бывших рабов. А достигают они в своей карьере порой заоблачных вершин. Казалось бы, вот он, отличный случай, чтобы мальчику-иноверцу, чудом избежавшему участи евнуха, закрепить в новой жизни, добиться от неё множества благ. Но было здесь одно «но»: Назар никак не хотел расставаться со своей верой. А в Школу янычар принимали только мусульман.

«Не надо его заставлять», – посоветовал однажды Аслан-бей. «Твёрдость в вере – это хорошо, это вызывает уважение, даже если человеку всего двенадцать лет. Как знать, может,

это знак свыше, и Судьба ещё вернёт его на родину? А нет – привыкнет здесь, повзрослеет и сделает правильный выбор. Сам».

Парнишка возник перед дверцей кареты буквально минуты через полторы. Глаза круглые, в пол-лица, испуганно-настороженные, веснушки побледнели... Был он, хоть и не рыжий, но зацелованный солнцем, как воробьиное яйцо, а сейчас из-за бледности больше походил на иноземную статую из раскрашенного мрамора.

– Великий султан... – выпалил шёпотом. Сглотнул. – Сам... В гостях... Не в карете – верхами прибыл, и охрана у входа, да, должно быть, внутри, потому как пять лошадей свободные стоят, дожидаются.

– Возвращаемся? – негромко спросил Али с запяток.

Ирис закусила губу.

В конце концов, она приехала проведать подругу и пациентку. Со дня родов прошла неделя, и обязательно нужно проверить, всё ли в порядке у подруги и малыша. Конечно, если в дом явился сам Повелитель – его встречает вся семья, удостоенная такой чести; но для рожениц делается исключение. Особенно для тех, кто произвёл на свет крепких здоровых сыновей.

Лишь в небогатых домах женщина вставала с постели уже через час после родин и принималась за домашние дела, ибо прислуги у бедняков не водилось; зато, как правило, было полно ребятни, а муж, содержащий семейство, вправе ожидать, что плов и чай ему подадут вовремя, несмотря ни на что. Но в обеспеченных семействах женщина несколько дней, а то и недель блаженно отдыхала. Принимал гостей, поздравления и подарки муж.

– Нет, не возвращаемся, – ответила Ирис твёрдо. – Я сперва загляну, справлюсь о здоровье Айлин-ханум, и если у неё всё хорошо, и она вместе с мужем встречает султана – велю о себе не докладывать, а просто приеду завтра.

Это было разумно. И позволяло с честью исполнить долг лекаря и подруги. К тому же, женская половина есть женская половина, туда даже дворцовые охранники не заглянут, так что Хромец и не прознает о том, что она здесь.

...Похоже, предположения Ирис оказались верными: комната Айлин пустовала, на тахте в беспорядке были свалены кушаки, покрывала, платки, словно прислуга наряджала хозяйку в страшной спешке. Колыбель, в которой полагалось спать младенцу, сиротливо покачивалась – малыша унесли совсем недавно. Но главное – зальчики местного гарема словно вымерли: ни служанок, ни престарелой тётушки, дальней родственницы Луноликой, ни дочерей Али-Мустафы, привезённых из Бурсы, по настоянию самой Айлин, ещё два года назад и взятых в дом отца, поскольку мать их незадолго до этого скончалась... Никого. Кивнув своей догадке, Ирис проследовала к выходу из женской половины, ведущему к центру дома, и поднялась по винтовой лестнице на второй этаж. Ну, конечно! Все – и старухи, и молодые, и девочки, которым юный возраст позволял ещё обходиться без покрывал – высыпали на закрытую галерею и теперь сквозь ажурные деревянные ставни с жадным любопытством внимали действию, что разворачивалось внизу, в большой приёмной зале. Ещё бы! Не к каждому из своих подданных вот так, среди бела дня, по-дружески и без предупреждения нагрянет сам Солнцеликий!

С молоком матерей впитавшие гаремные устои, женщины не осмеливались перешёптываться, но их мимика, жестикация, восторженно закатываемые глаза и воздеваемые к небесам руки яснее ясного давали понять, что внизу происходит нечто удивительное и неопишное. Впрочем, для местных затворниц, которых хозяйка держала в строгости и не особо охотно выпускала из дома, явление любого нового человека производило фурор, а тут...

О Аллах! Сам Великий Султан, Солнце Вселенной!

...Пугливым созданиям не пришлось видеть однажды ни забрызганных кровью лат янычар, пропахших потом, смертью и порохом, ни того, как падала на тела своих детей бывшая султанша Айше, ни обезглавленного тела фаворитки-изменницы. Ирис не собиралась просвещать это восторженно мычашее стадо овецек. Как говаривал христианский святой... или царь?

«Не искушайте малых сих!» Пусть себе живут в плену своих иллюзий. Сама же она прекрасно помнила, каким может быть Хромец.

Не будь этих страшных воспоминаний, картина, представшая перед её глазами, сделала бы, пожалуй, Солнцеликого в её глазах воистину святым.

Не замечаемая никем, Ирис, прильнувшая в решётке, с непонятной ревностью наблюдала, как Али-Мустафа, улыбаясь, показывает Повелителю новорожденного. Малыш не спал, пытался вертеть головкой, заботливо и умело поддерживаемой папашей, в своё время изрядно и с удовольствием возившимся с первым сыном, маленьким Асланом, что сейчас выглядел лукаво из-за спины одного из султанских охранников. Мальчику, должно быть, очень нравилось, что взрослые дяденьки позволяют дёргать себя за полы кафтанов, а сами даже не шелохнутся в ответ.

Улыбаясь, Солнцеликий достал что-то из кошелья на поясе. Движение пальцев – и в его руке закачался, подвешенный на золотой цепочке, овальный камушек, больше всего, пожалуй, напоминающий обыкновенный голыш, которых полным-полно на морском берегу. Родители новорожденного недоумённо переглянулись. Но сам малыш восторженно загалкал, замахал ручками и... потянулся к камушку.

Вцепился в кругляшок и замер.

Потом довольно заворковал и уснул на руках у отца.

Хромец, отчего-то ставший серьёзным, осторожно потянул цепочку.

Воздух за спиной Ирис всколыхнулся, и она, не оборачиваясь, поняла, отчего. Женщины неосознанно прикрыли рты ладонями, чтобы не ахнуть от изумления и не обнаружить себя. Ведь оправа, выскользнувшая из ладошки младенца, оказалось пустой.

– Знак, – только и сказал побледневший Хромец. – Аллах Всемогущий, слава тебе...

– О, Повелитель! – встревоженно начал Али-Мустафа, но султан успокаивающе отмахнулся. Лицо его разгладилось.

– Хороший знак, мой достопочтенный ага. Твой младший сын признал... э-э... амулет, хранящий великую мудрость, и вобрал в себя его силу. Пройдёт время – и он станет известен не менее чем его прославленный прадед. А потому...

Забытый временно всеми, обиженный, из-за спины одеревеневшего от щипаний охранника выскочил маленький Аслан и, кинувшись к матери, молча уткнулся в её колени.

– Сынок, у нас такой важный гость, – проворковала Лунолика, скрывая смущение. – Посмотри на него и запомни хорошенько: это сам Великий Султан! Повелитель, простите его непоседливость, он ещё слишком мал, чтобы осознать, какая честь нам оказана!

Хромец не гневался. С явным удовольствием оглядел крепкого мальчугана, его статную мать, не растерявшую, но приумножившую за время двух беременностей свою красоту.

– Мал, говоришь? Сколько ему сейчас, два года? А бегаёт, как пятилетка, да и сложен не по возрасту... Али-Мустафа, да твой старший сын – настоящий батыр! Будет, кому передать воинский опыт.

Отцепив с пояса кинжал в простой серебряной оправе, протянул аге. Глядя в глаза маленькому Аслану, проговорил медленно, веско:

– Я не успел к твоему рождению, потому одариваю тебя сейчас. Когда станешь достойным воином и получишь звание янычара – отец передаст тебе мой подарок. Запомнил? Не раньше.

Мальчуган сдержанно, по-отцовски сосредоточенно сведя густые бровки, кивнул, провожая взглядом дар очень важного, как он понял, гостя.

– А второго сына, Али-Мустафа, я бы советовал приобщить к науке. Конечно, поначалу они с братом будут обучаться одинаково, так ведь? Но если мальчик потянется к... лекарскому делу, например...

На лице Мустафы отразилось замешательство.

Целителями и учёными становились, как правило, юноши, слабые от рождения, не приспособленные к воинской стезе, к походам и сражениям. Он-то уже размечтался, как вырастит из сыновей двух отважных витязей, покрывающих славой его имя...

– ... Не останавливай его.

В голосе султана послышалось суровое предостережение. Нет, не послышалось. Всей шкурой ага почувствовал, как напряглась жена. Значит, и она, тонко разбирающаяся в интонациях Великих мира сего, уловила эту угрожающую ноту.

– Может статься, – продолжил Хромец, несколько смягчаясь, – к нему перейдут навыки и способности нашего недавно умершего друга. Очень на это надеюсь. А если нет – на всё воля Аллаха! Но уводить сына от предназначения ты не должен. Расти его, как и старшего – воином, но уважай его выбор, если он решит сменить меч на скальпель и книги. Славы и почестей одинаково достойны и великий мудрец, и великий воин. Разве не так?

– Ты прав, как всегда, – почтительно ответил ага. – Мне ли спорить?

– Вот и не спорь. – Хромец благодушно улыбнулся, давая понять, что официальная часть визита закончена. – Что ж, вот теперь я готов отдать должное твоему угощению, ибо, как полагаю, если помедлю ещё немного – твой повар, по примеру слуг из далёкой Чины, повесится на воротах, надумав, будто я отвергаю плоды его трудов... Но предложи мне сперва чаю. День сегодня жаркий, а в горле у меня сухо. И давай отпустим твою прекрасную супругу, она несколько утомлена и взволнована, так пусть отдохнёт вместе с детьми. Долгих лет жизни и здоровья тебе, Айлин-ханум!

За спиной Ирис зашуршали, всё же тихонько заахали – обнаружили гостью! – засуетились бесшумно... Улыбаясь, она позволила себя окружить и увести. Обошлось. Всё хорошо, султан не обидел малыша. Но отчего она, собственно, так боялась за ребёнка?

Должно быть, оттого, что до сих пор в памяти стояло придуренное: «Баязедовы отродья...»

Но совсем скоро мрачные мысли исчезли. Им просто не осталось места, потому что пришлось успокаивать взволнованную высочайшим визитом бывшую наставницу, припугнуть её тем, что у слишком уж нервных мам перегорает молоко, осмотреть, выслушать, порадоваться прекрасному самочувствию и мамы, и малыша, нежно подержать в руках тёплый куколь и полюбоваться на длинные пушистые реснички, крошечный, но уже сейчас выразительный нос, погладить пушистую макушку... Заодно приласкать и маленького Аслана, и сунуть ему гостинцы-сладости, чтобы не думал, будто с рождением братишки все о нём позабыли.

Не прошло и получаса, не успели они наговориться с пришедшей в себя Айлин, как при-слали записку от Али-Мустафы.

Узнав, что уважаемая Ирис-ханум пришла навестить подругу, Великий Султан выразил сожаление, что не успел застать её в ТопКапы недавно, и теперь просит явиться для приватной беседы. Превосходно, что он застал вдову своего друга именно здесь. Поскольку дело, о коем он намерен переговорить, касается и её лично, и почтенного аги.

Даже без провидческого дара, который, кстати, у Ирис так больше и не проявился после чудесного спасения Бомарше, нетрудно было догадаться, о чём желает разговаривать Солнцеликий с двумя ближайшими родственниками покойного друга.

О завещании.

И уж, конечно, не мог он обойти такой животрепещущий вопрос, как возможное деликатное положение вдовы. В данном случае, это была формальность, ибо, хоть почтенный старец даже с самыми дорогими его сердцу людьми ни разу не обмолвился о символическом характере своего брака с прекрасной юной девой, их отношения – не супружеские, а, скорее, отношения

отца и нежно любящей дочери – говорили сами за себя. Отрицательно качнув головой в ответ на прямой вопрос султана, Ирис залилась краской. И тут её, словно ножом, так и резануло по сердцу сожаление. Ни разу в общении с названным отцом у них не промелькнуло намёка на возможные супружеские отношения, но только сейчас, вспоминая двойняшек Ансы-Марджины и сыновей Айлин и Али-Мустафы, в особенности, малыша, которого недавно держала на руках – только сейчас она подумала, что именно ей надо было бы решиться – и поговорить как-нибудь с мужем на такую щекотливую тему первой. Или не надо было? Она понимала и ценила нежные чувства эфенди, но отчего-то именно теперь острее всего ощутила его потерю. Да, он оставил после себя бесценные сокровища, сделал её богатой женщиной – хоть ей по закону полагалась лишь треть наследства, но и того хватало с избытком на безбедную, если не роскошную жизнь. Но страстно вдруг захотелось обнять малыша, так похожего на её ушедшего наставника...

Должно быть, слёзы, непрошено выступившие, заставили султана смягчить суровый тон. И на Ирис он поглядывал куда более снисходительно, чем в самом начале разговора. Этот взгляд она ощущала даже в те минуты, когда, казалось, Хромец переключал внимание на одного Али-Мустафу, обсуждая детали сборов вдовы в дорогу... Она сперва даже не сообразила, что речь идёт о ней. Тамерлан упомянул и о пожилых слугах Аслан-бея, судьбу которых Ирис, как нынешняя полноправная хозяйка дома, должна была обустроить после своего отъезда, и о том, что часть денежного состояния, предназначенного ей, была, оказывается, заблаговременно размещена в банковских домах Генуи, Лютеции и Эстре, и к сегодняшнему дню обросла значительными процентами...

Али-Мустафа назначался ответственным за подготовку и снаряжение каравана. Вдова же Аслан-бея должна была отобрать ту часть сокровищ из наследия Мудрейшего, которую он сам предназначил в дар лучшим европейским университетам.

С долей библиотеки, что оставлялась венценосному другу, как и с бесценным оборудованием обсерватории, эфенди без сожаления расстался ещё полгода назад, объясняя, что слабеющее зрение не позволяет ему помногу читать и смотреть на звёзды. Но Ирис-то знала, что глаза её эфенди по-прежнему остры! Просто в тот момент она не понимала – или не хотела понять – что мудрый друг, давным-давно просчитав число оставшихся ему дней на грешной земле, раздавал наследие ещё при жизни, дабы присмотреть за всем самому, насколько успеет.

Теперь ей приходилось наведываться в ТопКапы через каждые три дня, чтобы докладывать о том, как идут сборы. К счастью, приезжала она не одна, а с «внучатым племянником», с Али-Мустафой, который почтительно величал её «тётушкой», хоть и был при этом почти вдвое старше. Он отчитывался перед султаном за свою часть порученного, Ирис – за свою. Подготовка велась полным ходом, хоть многие вокруг недоумевали: к чему такая спешка? Чиновники, ответственные за снаряжение провизией и припасами каравана, временами впадали в прострацию. Обычно такие дела, как снаряжение экспедиции, не относящейся к военным ведомствам, велись долго, со вкусом, с преодолением множества бюрократических препон... но нынешнее плавание, контролируемое самим Хромцом, обещало стать событием из ряда вон выходящим. Пара-другая интендантов, не успевших это понять и задержавших поставки сухарей и бобов для экспедиции, были выпороты, после чего подготовка понеслась как на крыльях.

Казалось, Ирис некогда было вздохнуть. Отбор книг и рукописей, сверка их с каталогом, сортировка и нумерация ящиков, в которые они запаковывались, особая укладка гербариев, анатомических муляжей, образцов эликсиров, целительных порошков и мазей, медицинских артефактов – всё это требовало личного присмотра, несмотря на то, что было отобрано, несколько раз проверено и одобрено при жизни самим эфенди. В основной своей массе. Но неутомимый учёный, до конца своих дней занимающийся исследованиями, всё добавлял к имеющемуся списку новые и новые пункты. И нынче его джаным сбивалась с ног, разыскивая дополнения, обнаруживая очередную неучтённую стопку книг или склянку с вытяжкой из

какого-то редкого корня и, порой, плача над этими предметами, всё ещё, казалось, хранящими тепло суховатых ловких пальцев, одинаково умело владеющих пером и скальпелем...

А, в общем-то, рыдать приходилось теперь всё реже. Даже по ночам. Она просто проваливалась в сон, набегавшись за день, беспредельно вымотанная. Даже валиде, однажды зашедшая к невестке, чтобы поворковать с внучкой, застала там Ирис, покачала головой и заметила, что усиленная скорбь может отвлечь душу усопшего от вкушения покоя и райских радостей, а потому – нелишне было бы молодой вдове взять себя в руки. Узнав об истинной причине недосыпа и бледности, она прислала в помощь Ирис не кого-нибудь, а хазнедар-уста, свою экономку. Та, хоть и мало разбиралась в науках, зато прекрасно поняла, что основной причиной, тормозящей сборы и сеющей хаос, являлась атмосфера уныния и скорби в доме. От бесконечно причитывающих стареньких служанок и садовника было мало толку, хозяйство было запущено, некому даже было предложить чай госте, а в помощниках у хозяйки остались лишь Али да тщедушный мальчишка-славянин... Жалея осиротевшую прислугу, Ирис не решалась повысить голос, и сбивалась с ног, пытаясь управиться со всем сразу.

Железной рукой Элмас-ханум порядок был восстановлен. Слуги пристыжены и направлены к выполнению своих обязанностей, из гильдии Плотников и краснодеревщиков согнан целый сонм работников, занявшихся паковкой ценного груза совершенно бесплатно – всего лишь за разрешение валиде беспošлинно вывозить Гильдии свои товары в Европу. Приглашённый кади заверил вступление Ирис во владение новой собственностью и оформил вольную на единственного в доме раба – Назара. А поскольку молодая вдова не могла предугадать, когда вернётся из долгого путешествия – она оформила на «внучатого племянника» доверенность на содержание дома, закрепив при этом право за всеми слугами проживать здесь, сколько душе будет угодно. Конечно, на то наследство, что оставил каждому покойный хозяин, можно было приобрести небольшой собственный домик; но пожилым людям так трудно сниматься с насыщенного места!

Постепенно в уютном старинном особняки воцарился почти прежний покой. Не хватало лишь одного – Хозяина. Его мягкой уверенной поступи, негромкого смеха, ласкового прищуря...

Рыжий Кизилка, за три года вымахавший из меховой рукавицы в средних размеров пушистую хвостатую шубу, неделю после кончины любимого Вожака тосковал, затем обжил опустевшую комнату – и с тех пор спал исключительно на хозяйской постели, занимая большую половину узкого скромного ложа. Кота не тревожили и не гнали. Все помнили, как старый лекарь любил читать написанные за день труды юной супруге и её свирепому зверю, и теперь, когда Кизилка, вытянувшись на узкой кушетке, блаженно жмурился и тархтел, словно огромная рыжемордая цикада, казалось, что он до сих пор внимает знакомому голосу.

И вот, наконец, настал тот день, когда и Рыжекудрая Ирис, и ага Али-Мустафа, поклонившись, доложили великому султану, что у них всё готово для отбытия в далёкую Франкию. Двух месяцев не прошло после распоряжения Хромца, а груз был надёжно упрятан в трюмах, команды галеаса и кораблей сопровождения приведены в готовность и ждали сигнала к отплытию, денежные дела улажены, список сопровождающих лиц обговорен. С Ирис ехали Мэги и верный Али. И уж конечно, Кизил, ибо только хозяйка могла справиться с этим зажавшимся и избалованным кабаном, по чистому недоразумению всё ещё считавшимся котиком. Впрочем, вдвоём с великаном-нубийцем он представлял собой надёжную охрану для путешественницы.

Ещё раз бегло зачитав список наследия учёного, Солнцеликий удовлетворённо кивнул.
– Али-Мустафа...

Ага почтительно поклонился. Сняв с безымянного пальца перстень с изумрудом, султан протянул его Наставнику Янычар:

– Прими мою благодарность. И в придачу к ней – назначение куратора Школ в Бурсе и Эдирне. Там давно не хватает твёрдой руки. Я бы отправил тебя сопровождать твою родствен-

ницу, но... ты нужен мне здесь. Вдову Аслан-бея будут сопровождать франкские послы, а тебя я пошлю во Франкию позже, когда ты справишься с одним моим поручением. Подожди меня здесь. Мне нужно сказать несколько слов наедине твоей... хм... тётушке.

От этих слов у Ирис заледенел живот, будто она наглоталась кубиков прессованного снега из гаремного погреба. Пока султан беседовал с её «племянником», она уже мысленно видела себя покидающей дворец и летящей в порт с такой скоростью, будто за ней гналась стая диких пустынных собак. Скорее! Прочь из Константинополя! Прочь... от этого рысего взгляда, жёлтого и голубого, от недоброго хищного прищура, от...

Слова султана застали её врасплох. Она судорожно вздохнула.

Нужно собраться с силами – и выдержать это испытание. Надеюсь, что оно последнее.

– Следуй за мной, – коротко бросил султан. Кивнул согнувшемуся в поклоне аге. Слуги, ловившие на лету мысли повелителя, распахнули перед ним и гостьей широкие двери.

Ирис без труда подлаживалась под лёгкую хищную поступь Хромца и... недоумевала. Страх отступил. Да, она постоянно ждала от Повелителя какого-то подвоха, но... С того дня, как её мудрейший покровитель покинул этот мир, прошла не одна неделя, и если бы Тамерлан каким-то чудом узнал о её происхождении и хотел бы расправиться – у него было на то время.

Правда, в случае с Гюнез он не торопился, и даже дал той надежду... Ирис поёжилась, словно холодное лезвие ятагана уже коснулось её шеи.

Но тогда к чему было затевать все эти сборы? Или... От ужасной догадки она едва не споткнулась. Что, если вместо неё просто-напросто отправят другую? Слуг можно заменить, послам сказать, что по какой-то причине вдова не смогла поехать, а вместо неё направят, например, ту же Нергиз, книжницу и поэтессу, что замужем сейчас за внуком ученика эфенди, и не хуже её, Ирис, сможет разобраться в фолиантах и снадобьях, и рассказать о них всё учёным из университетов... От собственных предположений ей стало дурно.

Куда они идут? И почему так долго?

В этой части дворца ей ещё не доводилось бывать. Судя по длине пройденного пути, по тому, что они миновали несколько открытых галерей, Хромец мог запросто её вывести за пределы Гаремного двора, и теперь увлекал по направлению к внешней стене, ближе... к Босфору?

Ещё немного – и у неё отнимутся ноги от страха.

Стражники – не евнухи, но настоящие грозные воины, усатые, мужественные – отсалютовали пиками, пропуская их в просторный зал. Вперёд метнулся юноша с факелом, прикоснулся к жаровне в углу – и по множеству фитилей, выходящих вдоль колонн, пробежал животворный огонь, зажигая светильники.

Султан, наконец, разомкнул уста.

– Смотри, Рыжекудрая Ирис. Смотри. Ты должна это запомнить.

Портреты. Портреты. Портреты на стенах, колоннах, в простенках... Суровые, грозные лики. Воинские шлемы и пышные тюрбаны. Венцы, короны, драгоценные реликвии. Глаза, глаза, глаза, смотрящие, казалось, прямо на неё, в упор, со всех концов зала, куда бы она в страхе ни повернулась...

– Эртогрул Первый.

Голос Хромца загрохотал в её ушах, словно рокот боевого барабана. И... отрезвил, развеяв наваждение, приведя в чувство.

– Эртогрул Первый, отец Османа Первого, имя которого носит наша династия. Запомни его. Он умел выбирать правильно. Вступившись однажды за тех, кто проигрывал на поле боя, он помог им победить, и впоследствии получил в виде благодарности удж, кусок земли, к которому его потомки за несколько веков прирастили новую империю. А вот и сам Осман Первый, Фахр уд-Дин Осман-бей... Правил двадцать пять лет, четверть века, весьма долго по тем временам, когда, порой, в междоусобицах троны не успевали нагреться под седалищем одних

властителей, а их уже меняли другие. И умер Осман в почёте и уважении, своей смертью, что тоже редкость. Орхан... Мурад... Баязид Первый, молниеносный...

Заложив руки за спину, он неспешно прохаживался вдоль полотен.

Ирис невольно приблизилась.

Закон Пророка не разрешал изображать людей. Потому-то ей редко удавалось видеть настоящие портреты, разве что на полотнах иноземных художников, в посольских домах Галаты. Или на гравюрах, в книгах из библиотеки эфенди... Кто же смог в своё время запечатлеть этих правителей, да так живо, ярко? Из уроков истории она знала, что от основателя династии, великого Эртогрула, их отделяет не менее трёхсот лет; значит, и тогда водились на земле талантливые рисовальщики, сумевшие передать и печать жестокости на суровых лицах, и величественность, и усталость в тёмных глазах.

Султан меж тем вышагивал дальше и называл имена:

– Мехмед Первый, правил до самой смерти...

– Мурад Второй отрёкся от престола в пользу своего сына...

– Мехмед Второй, оказался слаб, как правитель, свержен янычарами, передал власть отцу, тому самому Мураду Второму. Тот правил ещё пять лет. После его кончины выживший и поумневший сын вновь оказался на троне. Это он взял Константинополь и сделал его новой столицей...

– Селим Первый. При нём Османья раздвинула границы вдвое, сам же Селим получил прозвище «грозный», за то, что безжалостен был не только к завоёванным народам, но и к собственному. Одна резня шиитов чего стоит...

– Баязед Второй, Нерешительный...

Ирис вглядывалась в знакомое и незнакомое лицо – и не слышала Хромца. Она даже не подозревала, что тот давно уже молчит, впившись в неё взглядом.

Разве отец был седой? И почему он такой старый? Хоть она и видела его нечасто, но в её памяти он оставался молодым, чернобородым, с тоненькой ниточкой красивых усов, без морщин вокруг глаз. И... не такой тучный.

– Но это же не он... – прошептала она. И опомнилась.

– Здесь твой отец таков, каким стал незадолго до смерти, – холодно ответил Хромец. – Во время бунта его сильно изувечила собственная охрана. Но он отважно сражался – и выжил, хоть и лишился возможности ходить. Не достойно мужчины – добивать убогих, а потому – я дал ему возможность прожить остаток дней в изгнании. Ирис, дочь Баязеда, скажи мне правду, не лги: ты собираешься мстить за своего отца?

Она перевела затуманенный взгляд на Чингизида. О чём он?

Ах, да...

Вновь глянула на портрет. На Хромца. Покачала головой.

– Нет, Повелитель. Не вижу в том смысла.

– Почему? – спросил тот с каким-то болезненным любопытством.

– Потому что...

Она на мгновение прикрыла глаза. Словно погасли две чудесных изумрудных звезды... но вот снова вспыхнули.

– Потому, что мой эфенди никогда не назвал бы своим другом человека, достойного ненависти и мщения. Он любил и уважал вас. А я... любить не могу, но уважаю и признаю, как Государя. Вы меня казните?

Смуглое лицо Тамерлана не дрогнуло ни единым мускулом.

– Нет, Рыжекудрая Ирис. Я обещал своему другу, что отпущу тебя во Франкию – и отпускаю. Во имя его. Но помни: даже за морем, в какой бы стране ни оказалась – ты остаёшься угрозой для меня и моих детей, тех, что есть, и тех, что будут. До тех пор, пока...

– Пока?

– Пока ты не примешь другую веру. Выйдешь ли замуж за христианина или иудея, за ищущего дзен или поклоняющегося многоруким богам – мне всё равно. Главное, что, по закону Империи, ты потеряешь право на престол Османов, вернее, не ты сама, а твои возможные дети.

– И тогда я стану для вас безопасной?

Она сморгнула. Туман в глазах не желал рассеиваться.

– Тогда ты станешь безопасной для Османской короны. Навсегда. Поэтому ты не можешь всю жизнь оставаться вдовой. Замужество, принятие новой веры и ребёнок, рождённый в новой вере – вот твоё спасение. Даю тебе два года. Этого достаточно, чтобы красивой, молодой и богатой вдове найти подходящего избранника. Я напишу королю Генриху, он поможет с выбором. Если через два года ты не будешь хотя бы в тягости – я пошлю Али-Мустафу за твоей головой, и он привезёт мне её, будь уверена.

– Два года, – прошептала Ирис.

– Да, рыжая дева. Ведь всё ещё дева, не так ли?

– А если... – Она вдруг дерзко взглянула прямо в лицо султану. – Если я найду другой способ?

Он неожиданно рассмеялся.

– Тогда я полностью уверую в то, что мой друг – пророк, и, предвидя наш нынешний разговор, научил тебя, как обороняться! Вот тебе моё слово, маленькая лиса: если через назначенный мною срок твоё существование станет для меня безопасным – я навсегда забуду о планах пресечь твою жизнь. Клянусь всеми именами Аллаха, так и будет!

Ирис опустила глаза... и слабо улыбнулась.

– Так и будет. Принимаю твою клятву, Повелитель. И... благодарю.

Вспыхнули и погасли факелы. В полумраке сверкнул голубой глаз Хромца, не распознавший за время разговора ни капли лжи или попыток притворства. Ибо Ирис была верна правилу, привитому дорогим эфенди: не лгать!

Султан сдержал вздох, рвущийся из груди.

Да. В этой девочке чувствовалась кровь Османов. И Чингизидов, наверняка, не даром, поговаривают, у них, задолго до появления на свет Эртогрула, были общие предки. Иначе откуда у девчонки такой своеобразный разрез глаз и высокие скулы?..

– Тебя ждёт корабль, – бросил по-прежнему сухо. – И, надеюсь, удача. Да хранит тебя Всевышний и тот бог, кого ты потом изберёшь. Спроси у капитана название корабля.

Это были его последние слова, сказанные Ирис.

Хромец повернулся – и вышел, печатая шаг. Бросил на ходу охранникам:

– Гостью проводить до кареты, с почётом и уважением!

... – А я что скажу, госпожа, – торопливо зашептал выскочивший, как шайтанчик из табакерки, Назар, едва она, шатаясь от усталости, переступила порог дома. Рухнул на колени, помогая хозяйке разуться. – Мы на счастливом корабле поплывём, ага! А вы меня возьмёте с собой? Корабль тот ещё от прежнего султана остался, и, говорят, все сражения выигрывал. Непобедимый, ага! И прозывается он – «Солнцеподобный Баязед», вот! Это просто в угоду новому султану имя старого с кормы убрали, ага...

Глава 2

Она-то, наивная, решила, что за неделю привыкла к морской качке. Да разве можно свыкнуться с этой чудовищной бесконечной пыткой?

Очередной нырок корабля вперёд и вниз заставил сердце сжаться, а внутренности подпрыгнуть. Хорошо, что Ирис больше не мутило, иначе бы к прелестям болтанки прибавилась бы ещё одна неприятность. А тут, вдобавок, слишком живое воображение разворачивало перед мысленным взором такие картины, что впору сразу помирать. Хоть Ирис и затаилась в каюте, но живо представляла, что творится *там*, наверху: как галеас, угнувшись, зарывается носом в водную толщу, как взмывают над ним пенные буруны, как прокатывается по палубе толща воды, сметая за собой всё, что недостаточно надёжно прикреплено, обрывая снасти, сшибая и уволаскивая неосторожных, оказавшихся в недобрый час снаружи... Впрочем, что там делать сейчас людям? Наверняка экипаж отсиживается в кубрике. Ой, нет, что это? Сквозь рокот и пережат, стон деревянной обшивки, сквозь завывания ветра доносятся обрывки криков – да, именно обрывки, ибо звуки, словно паруса, что не успели вовремя опустить, рвутся в ключья и разносятся над морской пучиной. Значит, никто не прячется, как она, не дрожит, не трясётся, а борется с ветром, со стихией.

Всевышний, хоть бы все остались живы, хоть бы...

Эти разодранные, а затем и сорванные с матч лохмотья парусины Ирис видела совсем недавно. Когда, ошалев от непрерывной болтанки, кое-как отвязала себя от койки и, держась за надёжные с виду, а на самом деле, так и выскальзывающие из-под рук железные скобы, вделанные в стену, перебралась к иллюминатору. И поняла, что не в добрый час. Лучше бы она этого не делала.

Но не могла она больше лежать, не могла! Минута за минутой, час за часом измученно пялиться в потолок, перекатываться с боку на бок, если волна величиной с дом ударяла в борт, а когда «Солнцеликий» разворачивался и зарывался носом в пучину – то возноситься вместе с ложем, как на качелях, то словно падать, так, что кровь прилиwała к голове – сил больше нет. Лучше всего сейчас было Кизилке. Сразу после визита капитана Джафара с предупреждением о грядущем шторме кот получил лошадиную дозу снотворного и теперь безмятежно спал, закреплённый в матросском гамаке. Неподалёку на койке постанывала во сне бедняжка Мэгги, взмолившаяся при первом же усилении волны: «Ирис, голубка, дай же и мне того настоя, ведь помру от страха! Сердце так и заходится!» Правда, опытный мореплаватель Бомарше, услышав её сетования, не советовал пережить бурю спящими: в случае опасности проще и быстрее будет вынести на руках одного кота, чем ещё двух женщин в беспомощности. Но всё же девушка рискнула накапать нянюшке сонного зелья. Да изрядно, чтобы хватило на сутки, не меньше. Слишком хорошо она помнила, как однажды Мэг едва не умерла от сердечного приступа, вызванного страхом за её, Ирис, судьбу, и как долго потом выхаживал её эфенди, лишь через год заключив, что ирландка поправилась окончательно. «Но запомни, джаным: твоей названной матери ни в коем случае нельзя волноваться! Страх, волнение, иные сильные чувства могут спровоцировать новый приступ. Где слабо, там и рвётся, дитя моё».

Оттого-то рука и не дрогнула, отсчитывая заветные двадцать четыре капли из хрустального флакона с опиумно-маковой настойкой. Ничего. Случись крушение – она взвалит Кизилку на спину, Мэг потащит за собой волоком, а там... их вытянет верный Али, он обещал быть неподалёку.

...Начиналось-то всё спокойно. Когда волна только слегка разыгралась, и по характерному толчку корпуса можно было догадаться, что в паруса, наконец, ударил оживший ветерок, ещё лёгкий, беззаботный...

Через полчаса после её возвращения с палубы, когда она мягко, чтобы не напугать, намекнула Мэгги о «возможной непогоде» и принялась штудировать записи, оставленные для неё Аслан-беем, в каюту заглянул Али и передал, что капитан Джафар просит дозволения посетить высокую гостью. Почти одновременно с ним нагрянул и Огюст Бомарше, консул Франкии и Галлии, сопровождавший Ирис, как официальный представитель своей страны. Оба – и он, и капитан, выглядели спокойно, но сердце девушки учащённо забилося: за внешним хладнокровием мужчин угадывалась тревога. Тем не менее, Ирис, машинально поправив вуаль, закрепила её на лице, по-светски предложила гостям сесть, делая вид, что не замечает исходящих от них мрачных флюидов. Сделала знак нянюшке Мэг, что пока не нужно хлопотать об угощении. Разговор предстоял, судя по всему, не праздный.

– Уважаемая ханум, – начал капитан Джафар после краткого приветствия. – Прошу извинить за неожиданный визит, но обстоятельства вынуждают меня пренебречь этикетом.

Так и есть. Она угадала.

Ирис наклонила голову

– Мы в походе, Джафар-бей, и иногда можем забыть об условностях. Значит, Али оказался прав, и нас поджидает шторм?

– Да, Ирис-ханум. И, скорее всего, сильный и затяжной. Вам не о чем беспокоиться: я и моя команда знаем своё дело, и нрав здешних штормов нам знаком не понаслышке. С помощью Аллаха Милосердного, мы справимся с этим испытанием. Однако вы, госпожа, впервые в открытом море, а потому, безусловно, встревожены. Уверяю, волноваться не о чем. Мой долг – обеспечить вашу безопасность. Самое главное – не покидайте каюту. Ураганы иногда длятся несколько суток, весь экипаж может быть задействован на вахтах, поэтому вам может показаться, что о вас позабыли: уверяю, этого не случится. Еду и питьё вам будут приносить, как и обычно, но...

– Просто оставьте нам сухарей и воды, – прервала Ирис спокойно. – Не отвлекайтесь на меня. Мы справимся, не волнуйтесь.

Джафар-паша воззрился на неё с таким изумлением, будто с ним только что заговорила резная фигура сирены с носа франкской каравеллы. Но быстро взял в себя в руки.

– Уверены?.. Прекрасно, госпожа. В таком случае, всё, что вам остаётся – положиться на волю Аллаха и наши умения, и спокойно пережить, когда шторм закончится. Но у меня к вам будет одна просьба.

Он замялся.

– Капитан хотел бы временно призвать вашего слугу Али под знамёна османского флота, – вмешался Бомарше. – Ирис-ханум... – В присутствии посторонних дипломат обращался к своей давнишней «крестнице», как он сам её называл, сугубо официально. – Я и сам с радостью предложил свои услуги, поскольку при возможных... э-э... беспорядках – ветер, знаете ли, сильные волны, то да сё – важна каждая пара сильных рук. А уж ваш Али – просто великан, грех не привлечь его на помощь экипажу.

– Разумеется, мы затем компенсируем вам это неудобство, – поспешил заверить капитан. – Вам, конечно, было бы спокойнее, останься рядом слуга, но... Уважаемый господин консул верно сказал: каждая пара рук будет на счету.

– Ох, какая ещё компенсация! – пробормотала Ирис. – Джафар-ага, о чём вы говорите? Конечно, я не возражаю. Пусть Али помогает вашим людям так, как вы сочтёте нужным. Но скажите: не пострадает ли груз?

В глазах капитана мелькнуло облегчение.

– Ни в коем случае, ханум. Не беспокойтесь. Ещё при погрузке в порту он был надёжно закреплён в трюме. И не только из-за его безусловной важности; так всегда поступают, чтобы во время сильной качки и штормов избежать его подвижек и порчи. Всё закреплено, всё проверено. Да, касательно вашего слуги: не думайте, что я забираю его на всё время шторма. Он

будет нести вахту по очереди с моими матросами, а в перерывах между вахтами – проверять, не нужно ли вам чего.

– Как и я. – Бомарше поднялся на ноги. – Если по какой-то причине Али не сможет покинуть пост – я навещу вас сам. Может статься, вам понадобится помощь. А теперь, уважаемые дамы, я хотел бы провести с вами небольшую беседу...

– А я вас покидаю, – поднялся и капитан Джафар. – Помните, ханум, если вам что-то понадобится – вам лучше дождаться Али или господина консула. – И повторил, грозно сведя брови: – Ни в коем случае не появляйтесь на палубе. Вас просто смоет!

За спиной Ирис, не сдержавшись, тихонько ахнула Мэг. Джафар-бей неловко поклонился.

– Прошу прощения... –

И даже не по нарастающей тревоге и нетерпению, волнами исходившим от капитана, а по его сухим рубленным фразам чувствовалось: впереди – серьёзная заваруха. Этот мастер изысканных комплиментов, частенько пытающийся обменяться словечком с прекрасной пассажиркой, а если уж удастся под благовидным предлогом заглянуть в каюту – медливший с уходом, едва удерживаясь на грани приличий, сейчас куда-то пропал, уступив место собранному командиру, которого более волновала сохранность корабля, вверенного груза, и лишь потом – пассажиров, этой досадной помехи на борту, от которой и рад бы избавиться, да невозможно; остаётся лишь изолировать, чтобы не мешали...

Ирис его понимала. Хоть уже подспудно и начинала бояться предстоящего испытания.

Но Бомарше подмигнул ей, энергично схватил за обе руки и встряхнул.

– Всё будет хорошо, рыжая ханум, слышишь? Не смей волноваться! И ты, тётушка Мэг, успокойся, этот корабль со своим экипажем не из одной передряги живым выходил! И ты, рыжая шкурка, не вол... Нет, гляньте на это чудище! Вот кто не нуждается в утешении!

Действительно, Кизилка безмятежно храпел на своей подушке, прихваченной из родного дома ради сохранения знакомого запаха, чтобы легче было прижиться на новом месте. Огюст Бомарше, покачав головой, перенёс его вместе с этой самой подушкой в гамак. Влить в пасть отмеренную заранее толику настойки и заставить сглотнуть было секундным делом. Да и состав хозяйка подготовила заранее, успев перед приходом мужчин почитать кое-что из записей эфенди... А потом Бомарше сам пристегнул Мэгги к узкой койке специальными ремнями – правда, так, чтобы руки оставались свободными, и чтобы, в случае необходимости, освободиться самостоятельно. И проследил, чтобы Ирис пристегнулась и отстегнулась, показав, что ей это действие не составит труда.

Дождлся, пока с камбуза принесли съестные припасы и надёжно запер в надёжно же прикрепленный к полу рундук. И... отбыл.

... А теперь она цеплялась за стенные скобы, не в силах отвести взгляд от иллюминатора. Волны, громадные, как пустынные барханы, беспрерывно вздымались и опадали, то подбрасывая на себе кораблик, то ухая вместе с ним, казалось, в гиблую воронку, но затем опять встряхивали, увлекали вниз. А где-то в отдалении, без конца заслоняемые водяными грязно-серыми горами, прыгали на бурунах два, казавшихся игрушками, судёнышка. Одно посверкивало приртянутыми к реям белыми комочками, от парусов другого остались какие-то обрывки. И с каждым новым толчком из глубины игрушки подпрыгивали и сближались всё больше и больше.

Девушка в ужасе прикрыла рот ладонью, чтобы не закричать.

Шебеки из их сопровождения! Сейчас они расшибуются в щепки!

... Вот что оказалось куда страшнее перекатывающихся волн и бесконечной болтанки – треск ломающегося дерева, донесённый ветром, слабые вопли ужаса... На одном из судёнышек рухнула палочка-мачта, ещё более усиливая сходство с неуклюжей детской поделкой; второе отскочило, словно мячик – на самом деле его увлекло очередным валом – и закрутилось на месте, демонстрируя целёхонький такелаж, но, вместе с тем, обширную вмятину в борту. А ведь

там тоже были люди! И сейчас им предстояло бороться за свои жизни. Самим. Без надежды получить помощь.

Словно почуяв чужую беду, под очередным валом, накатившимся на палубу «Солнцеликого» застонала, закрипела обшивка галеаса, как от боли...

Чудовищно! Нет сил и видеть, и слышать!

Зажав ладонями уши, девушка затрясла головой – и, потеряв опору, при очередном сильном крене корабля не удержалась на ногах. К счастью, мягкий ковёр не позволил расшибиться, но прямо под локоть больно стукнул твёрдый переплёт позабытой, и, по-видимому, давно уже ёрзающей по полу тетради – одного из тех дневников, что вёл когда-то эфенди, записывая бесценный опыт нахождения в пути. Будто знал, что он однажды пригодится маленькой джаным.

У кого же ещё просить помощи?

Ведь нашла же она в этой тетради совет, что животных, а также людей, раненых и больных, во время сильных волнений на море лучше погружать в сон! Там же были рецепты снадобий от морской болезни, и предупреждения, какие травмы могут случиться у матросов, попавших под сорвавшийся груз или под обвалившуюся мачту, посечённых лопающимися снастями. Что-то в этих записях попадалось ещё, какой-то интересный кусочек – отрывок то ли легенды, то ли морской байки... Читая в первый раз, Ирис по-быстрому пробежала его глазами и сочла на тот момент несущественным.

Но разве может в записях у мудрого Аслан-бея оказаться что-то несущественное и бесполезное? Не просто так он повторял ей, отбирая из дневников те, что непременно надо прочесть если не до отбытия из Османии, то хотя бы в дороге: «Милая моя джаным, будь внимательна, здесь нет ничего лишнего. Пригодится всё; не в этот раз, так в следующий. Я надеюсь, тебе выпадет счастливая доля посмотреть мир во всей его красе, и ты поездишь по нему не меньше моего. Пока же – учись распознавать полезное в обычных строках...»

Ей удалось кое-как зафиксироваться, ухватившись за скобу. Приходилось листать страницы, прижимая раскрытую тетрадь к груди подбородком. А, вот оно, то пропущенное место...

Там, снаружи, хлынул ливень, и в каюте стало темно, как поздним вечером, хоть на самом деле ещё и полдень не миновал. О том, чтобы зажечь лампу, речи не шло: не хватало ещё случайно устроить пожар, разлив масло. Ирис кое-как поднесла дневник ближе к иллюминатору.

Да-да, здесь... Чтобы умиловить Ветер, нужно угадать его имя и задобрить дарами.

«*Кешишлеме*, Анатолийский ветер, приносит с самой Бурсы суровую погоду со снегопадами...»

Нет, вряд ли ураган именно с этим именем бесится сейчас снаружи. С Бурсы, горячий, знойный...

«*Кыбле* – горячий Южный ветер, прилетает из Мекки, принося жару и суховеи...» Ему в море делать нечего.

«*Лодос* – Юго-западный Нот, несёт с собой тяжёлый воздух и бури. Закручивает водовороты и, если его рассердить, в гневе меняет течения Босфора...»

Она вспомнила, как кружились вдоль границы невидимой окружности кораблики, и задумалась. Водоворот ли их втягивал? Или это шалости ветра, грозящего переродиться в смерч? На всякий случай, Лодос надо запомнить...

«*Карайель* – Чёрный ветер с Балкан, суровый и холодный настолько, что порой замораживает Босфор от одного берега до другого...»

«*Йылдыз* – Северный, рождается от Полярной звезды...» Тоже запомнить.

«*Пойраз* – холодный северо-восточный ветер, у греков известен как Борей. Зарождается в далёкой Тартарии. Своим воем заглушает на суше призывы муэдзинов к молитве, а в море – оглушает сирен...»

И вновь застонал галеас, жалобно скрипя каждой доской, каждой деревянной втулкой, из последних сил противостоя урагану. Где-то совсем рядом вдруг затрещало. Ирис даже при-

села – показалось, что рвётся и разверзается потолок... И рухнуло. Страшный удар потряс корпус корабля, заглушая вопли несчастных, попавших под упавшую мачту. А обострённое чутьё Ирис уловило злорадный хохот незримой сущности, носящейся в небесах...

Пойраз! Воистину, пронзительный Северный Ветер, заглушающий крики жертв!

С перебежками, чтобы удержать на ходу равновесие, она добралась до рундука и кое-как приподняла крышку, тотчас едва не уронив и не покалечившись. Но всё же нашарила и выудила из мягкой рухляди небольшую шкатулку. И, прижимая к груди, частыми шажками, едва не падая, добралась до круглого окна.

Шкатулку пришлось зажать между колен: девушка поостереглась ставить её на пол, поскольку боялась, что быстро поднять не сможет, и потеряет драгоценные минуты. Она и без того провозилась с оконными защёлками, рассчитанными на крепкие мужские руки; хвала Аллаху, что постоянные занятия с Луноликой и с утяжеляющими браслетами сделали мышцы сильными. Кое-как откинула круглую створку – и, отшатнувшись от летящих в лицо дождевых струй, так и повисла на ней.

«Действуй, джаным» – подбадривал обычно эфенди, когда ей не с первого раза удавалось задание. «Ты можешь, я знаю».

Кое-как откинув крышку шкатулки, одной рукой вцепилась в край оконного проёма, на другой, вытянутой, выпростала наружу, прямо под ливень, свои маленькие сокровища. И закричала во всю силу молодых лёгких:

– Пойра-а-аз... Эй, ты, слышишь?

Поперхнулась от брошенной, словно в насмешку, горсти морской воды, плеснувшей прямо в лицо. Выплюнула горько-солёную влагу.

– Пойра-аз! Именем твоим – призываю! Смотри-и-и!

Сквозь прореху в тучах прорвался луч солнца – и в шкатулке, трясущейся в девичьей руке, облепленной мокрым рукавом, засияли, заиграли огнями изумруды, сапфиры, рубины, зарозовел жемчуг из далёких индийских морей... всё, что дарил когда-то своей любимице мудрец, заменивший ей отца. Каждый камушек, каждую драгоценную росинку она помнила... и сейчас словно отрывала от сердца память о дорогом человеке.

– Это тебе, слышишь? Прими-и! Пойра-аз! Прими, Борей!

«Солнцеподобный» вновь зарылся носом в волну, пол каюты накренился... и драгоценности, подарки любимого эфенди за все три года, проведённые вместе, легко скользнули из недр, уже наполовину заполненных дождевой водой, вниз, в пучину, посыпались цветными огоньками и кольца, и серьги, и броши-стрекозы, броши тюльпаны, и нежнейший розовый перламутр, освобождённый от скрепляющей его шёлковой нити, и чёрные кораллы... А вдгонку им – полетел и сам ларчик. Вымокшая с головы до ног, дрожащая Ирис тупо смотрела вслед угасающим в глубине огонькам. Напрасно. Всё напрасно... Ветер не принял жертву. Она не угадала имя.

Заплакав, как дитя, размазывая слёзы бесполезным мокрым рукавом, она опустилась на пол. Ей уже было всё равно, что иллюминатор распахнут, что вокруг на ковёр натекла лужа, что кафтан и шаровары прилипли к телу, сотрясающемуся от холода... Она всхлипывала, не замечая, что качка, наконец, прекратилась. Оконце в тучах раздалось во все стороны, расширилось, вот уже не одиночный луч, а целый сноп упал на спокойную водную гладь. И сразу стало ясно, что день – в разгаре, жизнь продолжается, и, возможно, не так уж она плоха, если бури всё-таки проходят...

... А где-то, на островке, не столь отдалённом от потрёпанного стихиями каравана, сидели на скалистом утёсе двое. Могучий старик с кудлатой седой гривой, развевающейся при полном безветрии – и нежноокая сирена с бело-розовой кожей, с чудесным изумрудно-золотым чешуйчатым хвостом. Ахая и восторгаясь, дева перебирала цветные камушки, постанывала в восхищении, цепляя к сиренево-зелёным прядям то драгоценную стрекозу, то дивный грана-

товый тюльпан, перебирала розовый жемчуг и всё норовила полюбоваться на себя в лужицу-озерцо, натёкшую в углублении скалы. Старец морщил губы, стараясь сдержать довольную улыбку, и поглядывал то на неё, то на горизонт, где, словно в нерешительности, не веря, что всё страшное позади, замерли людские кораблики, один побольше, пять поменьше. И уже взлетали в засиневших водах веретёнца дельфинов, спешащих на помощь одиноким человечкам, цепляющимся за щепочки-доски.

Ох, Назар попал, ну и попал...

В жизни не подумал бы, что всё может быть настолько плохо. Когда мать хоронили, так и не разродившуюся последним младенцем – молчал, слезами давился, но горю воли не давал. Когда поколачивали старшие братья – не за воровство, а за то, что пойман, а случался с вечно голодным отроком такой грех: стянуть то чурек у уличного торговца, то рыбку – терпел. За грех нужно отвечать. Оно же и наука впрок шла: день-другой хлопец и не мыслил заглядывать в обжорные ряды, хоть потом пустое брюхо надумывало планы куда изобретательнее, чем пустая голова... Ни на рабском рынке не отчаивался, когда продавали его, вертели голого, будто какое неживое пугало, ни когда получал плетей за первый побег – а всыпали ему знатно, не то, что братья-жалельщики. Ни когда в яму попал, «для науки», как выразился злобный хозяин, чьего поганого имени Назарка так и не запомнил, больно заковыристое, язык сломаешь...

Что бы ни случилось страшного или горького – всё думал: авось обойдётся. Не может такого быть, чтобы не обошлось. Батька вон, когда с семьёй в полон угодил, решил – всё, жизни конец; ан нет – не конец. Купил один добрый человек крымского раба вместе с жёнкой и тремя мальцами, обращался хорошо, и не только с ними, христианами, но и с прочими рабами и слугами, что у него давно почти наравне с семейными свободно по дому ходили, и с одного стола ели-пили, и не обноски нашивали. При нём батька с мамкой иной раз забывали, что несвободны, да ещё новых детишек нарожали. А когда ислам приняли – написал хозяин их семейству вольную, да и оставил при себе. И то сказать, куда бывшим рабам деваться? В далёком бывшем отечестве шла война, и ежели бы не полон – задушили бы семью податями: к тому времени долг на их деревне висел немереный...

После мамкиной смерти жизнь стала какая-то серая. И хозяин вскорости тоже помер, снесли его под завывание плакальщиц на кладбище, усадили в яму под гладкий камень и водрузили на плиту зелёный тюрбан – ибо успел уважаемый Нашх-ад-Дин за полгода до кончины посетить Святой Город и стал прозываться Ходжой. Семейство Назара осталось без куска хлеба, а потом и вовсе на улице. И пошло-поехало: рабский ошейник, плети, один хозяин-мучитель, другой... А всё почему? К тем, кто обращался в «истинную», как здесь называли, веру, отношение-то было мягче, но вот не хотел Назарка ислам принимать. Даже когда к заднице прислонили кол, смазанный бараньим салом, и пригрозили, что вот сейчас на него, как на вертел, и нанижут, ежели не скажет заветных слов – «Ля иляхэ иллял-лах, мухаммадун расулюл-лах» (Нет бога, кроме Аллаха, и Мохаммед – пророк Его!) – визжал, как нечестивый поросянок, но не сдался. Уж что за дурацкое упрямство на него нашло? А может, и не упрямство, а просто помнил Назар, как мать ночами тайком крестилась и бормотала молитвы Богородице и Животворящему Кресту, и... отчего-то пустая и легкомысленная голова, когда вспоминала материнский шёпот, не слушала ни пустого брюха, ни поротой спины, ни набитой пинками задницы. А хозяев, видать, досада брала, не хотелось из-за строптивного сопляка в убыток входить. Вот Назарку и перепродавали один другому, нехристи.

Пока однажды в вонючем зиндане, где он в очередной раз отсиживался, не появился старец, похожий на святого. Хоть и в местном халате, и в тюрбане, и при чётках – а всё чудилось Назарке вокруг его головы дивное сияние, как от *настоящего* святого, что на мамкиной натель-

ной иконке был. Старец негромко выговаривал стражникам, те багровели, бледнели, торопливо приносили для заключённых баклажки со свежей водой, почти свежие лепёшки и рис... А лекарь, оказав помощь болящим, велел перевезти двоих в городскую больницу, поручившись, что не убегут от правосудия, а потом... глянул на забившегося в угол тощего мальчишку – и покачал головой.

– Чем провинился этот отрок? Не маловат ли он, чтобы взыскивать с него со всей строгостью закона? – Выслушав ответ почтительно склонившегося стража, кивнул. – Значит, от него отказались... Что ж, я забираю этого ребёнка. Моему садовнику нужен помощник. А если бывший хозяин передумает – пришлите его ко мне, и я напомню, что переход в истинную веру должен свершаться добровольно, без угроз и принуждения. Будет возражать – пусть прихватит с собой кади, а уж мы с ним поговорим, как знатоки законов...

С тех пор у Назара появились Господин и Госпожа, светлые-пресветлые... Это он сам их так мысленно назвал, потому что не только у Аслан-бея, но и у его ласковой и доброй жены над головой так и сияло лёгкое золотое облачко. Отрок давно за собой знал такое свойство – видеть в людях или темень, или свет, и поначалу думал, что все так видят, но потом раскусил – ан не все! Да ещё и побьют, ежели ляпнешь, что, мол, чудится что-то... А вот доброму эфенди однажды проболтался. Не выдержал. Тот лишь улыбнулся и ответил спокойно: «Я знаю, юноша. Но твоему дивному дару ещё рано оживать. Подожди, будет и у тебя когда-нибудь Наставник, он и научит, и одарит светом мудрости».

Добрая Госпожа Ирис была ласкова, дарила подарки, закармливала вкусностями, заступалась за него перед суровым Али... и Назар, считая себя последней скотиной, не заслуживающей подобного обращения, даже перестал воровать на кухне, тем более что, наконец, наелся; и вскорости со всем усердием сбивал пятки на мостовых столицы, бегая по её поручениям, и старался угодить, угадать малейшие желания, успеть...

А потом оказалось, что умирают даже Светлые.

Значит, Госпожу, ставшую вдовой, нужно оберегать ещё сильнее.

Зачем, зачем ей понадобилось уезжать? Да ещё за море, да ещё, наверняка, навсегда... Да ещё без него: ты, мол, маленький... Остаёшься под приглядом Айлин-ханум, а потом пойдёшь в школу, ведь ты теперь не раб, а вольный, можешь стать учёным или ещё кем-нибудь... Умом-то отрок всё понимал, а вот сердце бунтовало. И теперь оно, вступив в коварный сговор с уже далеко не пустой головой, взяло верх над Назаром. Приказало ему следить за сборами наследства эфенди, сопровождать лари и ящики до самого корабля, следить за погрузкой – якобы, чтобы затем подтвердить Ирис-ханум, что сокровища её мужа перевозятся с соблюдением всех предосторожностей. Голова высматривала укромные местечки в трюме, а сердце подсказывало, что вон там, в уже заставленном углу, есть место между ящиками, куда можно натаскать в несколько приёмов запасы еды и воды, а потом втиснуться самому, перед отплытием. За день до отхода, говорят, на кораблях затевается такая суматоха и бесконечные проверки того-сего, что никто и не заметит, как примелькавшийся всем парень в очередной раз сунется в грузовой отсек, да так из него и не выйдет.

Ну, не хотел он оставаться в этой стране, не хотел!

...Или просто желал быть рядом с Госпожой. Вот что.

За три года сытого жития в доме Аслан-бея Назар изрядно раздобрел, как ему самому казалось. Рёбра уже не торчали, скулы не выпирали, руки-ноги обросли мышцами – недаром Али заставлял приседать с мешками на плечах, наполненными песком, и гонял каждое утро с деревянным мечом! Но сейчас тело привычно включилось в полуголодный режим. Ибо съестного, украдкой добытого на хозяйской кухне, хватало бы дней на семь-десять, а сколько продлится плавание – кто его знает. Малец собирался явиться к Госпоже и покаяться на третий-четвёртый день пути, не раньше, не высадят же его куда в открытом море! Но уже в первую же ночь, решив тишком выбраться на палубу и осмотреться, не сумел приподнять

крышку люка – и понял, что заперт. Приходилось терпеть. Ждать. И оборонять свои скудные припасы от корабельных крыс.

Через три дня у него не осталось свечей, а масло в лампе закончилось. За это время он успел «обжиться», запомнить стратегически нужные места – особенно место для сна, поверх целого ряда сундуков, обитых гладкой от краски пробкой. Должно быть, краска была непростая: крысам не нравился её запах, а потому – Назар спал спокойно. Ещё через четыре дня он готов был завывать от тоски и безделья, и совсем уже решился себя обнаружить при первом удобном случае: услышит, что возле люка кто-то проходит – сразу заорёт и сдастся, пусть делают с ним, что хотят, не убьют же, в конце концов.

А потом, на восьмой день, корабль вдруг стало раскачивать совсем не так, как раньше, и с каждым часом всё сильнее. Назар слушал, как в темноте скрипят от натуги крепёжные тросы, трутся о деревянные поверхности ящиков верёвки, скрежещут в скобах железные крюки, и понимал, что если хоть один из тросов не выдержит тяжести, либо очередного толчка в борт – вся эта махина размелет его в кашу из мяса и костей. Нет, сперва сломает трап, на самой верхотуре которого, упершись головой в люк, он сидел, как петух на насесте. А потом размажет...

И вот теперь ему стало страшно, как никогда.

Казалось, он сидит тут целую вечность, судорожно цепляясь за поручни, стараясь не слететь при очередном крене вправо, влево... Куда-то подевалась вся недолгая жизнь: мир сократился до нескольких деревянных ступеней с жёсткими рёбрами, и кокона темноты, в которой всё громче и злораднее скрипела, стонала и подбиралась ближе незримая Смерть. И когда в этот угрожающий шелест неожиданно пробились людские голоса – он поначалу не поверил. Мало ли что со страху почудится.

И когда распахнулся люк – зажмурился от ослепительного, как показалось, света и кулем свалился вниз, к подножию трапа. Голоса слились в один сплошной гул. Его выволокли наружу, полуслепшего, полуоглохшего, надавали затрецин... Удивительно действенное средство для оживления полупокойников! И поставили перед взбешённым капитаном.

Джафара-агу легко можно было понять. От ударов волн, в Средиземном море куда более крутых, чем в Атлантике, «Солнцеликий» трещал по швам. Ценный груз, репутация капитана, жизни – его, команды, прекрасной пассажирки – висели на волоске. А тут... как какой-то шайтан, выскакивает из грузового люка очумелый мальчишка...

– Это парень госпожи, – услышал он неожиданное. И не сразу понял.

– Что? Чей? Кто?

– Я говорю, что этот паршивец – слуга Ирис-ханум, капитан. – Только сейчас Джафар-паша сообразил, что к нему обращается чернокожий Али. – Ишь, не захотел оставаться дома, увязался с нами... Позвольте, капитан, я его выпорю. После того, как всё закончится. А пока – поставлю к помпам, он только с виду хлипкий, но жилистый, долго потянет.

«К помпам...»

Не время творить расправу. Каждый человек пригодится, даже этот жалкий трюмный крысёныш.

– Приставь, живо. Потом спустишь с него шкуру и доложишь, – рубанул капитан, позабыв, что Али взят в команду только временно.

И тут затрещала под очередным шквалистым порывом ветра мачта – и стало не до сопляка, взявшегося невесть откуда.

Назар пыхтел над рычагом помпы вместе с десятком дюжих матросов, откачивая воду из очередного трюма. Ладони дымились от натираемых мозолей, всё тело ломило, его, лёгкого как пёрышко, по-прежнему мотало качкой из стороны в сторону, и даже хорошо, что рядом был тяжёлый насос, за который можно было держаться. Ничего, пусть выпорют, у него спина крепкая, главное – он теперь не один. И Али здесь, и добрая Ирис-ханум... Пусть ругается, он отслужит, отработает. Спина заживёт.

А Франкия и Госпожа останутся.

Нет-нет, голова уже не шла кругом от свалившихся разом дел, не то, что при сборах в дорогу... Ирис просто не успела понять и порадоваться тому, что её задумка удалась. Ещё недавно она, съёжившись и дрожа от холода, вытирала слёзы, сидя на полу – до того было жалко пропавшие зря безделушки – и вдруг понимает, что вокруг тихо, спокойно, почти как раньше, в штиль, и пол под ногами не пляшет, и через хлопающий створкой иллюминатор в каюту пробивается солнце. Только шумов снаружи больше обычного: помимо команд и топота матросов слышны какие-то нервные окрики, и звуки, будто волоком тащат что-то тяжёлое. Потом – стук топоров, визжание пил...

Потом забежал Бомарше с полубезумными глазами, налетел на «крестницу», закутал, мокрую, в одеяло, сдёрнутое с постели, зачастил, что всё хорошо, не надо больше бояться, буря закончилась, и теперь остаётся навести порядок, подлечить раненых, проверить, все ли целы в караване – и идти себе дальше, до самых берегов родной Франкии... Пусть крошка Ирис поскучает ещё немного в одиночестве, а ещё лучше – заглянет в дорожные закрома, не найдётся ли у неё обезболивающих и кровоостанавливающих средств, потому что у судового лекаря, Серхата ибн Селима, они, конечно, есть, но то, что заготовлено её собственными ручками, намного действенней. А он никому не проговорится, что это эликсиры его маленькой Кекем, пусть думают, что от самого Аслан-бея остались в запасе...

Время сорвалось с места и полетело стремительно, как стрела, выпущенная из лука степняка. День наполнился привычной работой: составлением лечебных составов и зелий, усилением их толикой магии, розыском новых секретов в дневниках эфенди. Ирис уже успела в дороге соскучиться по этим простым действиям. Да ещё, пока Мэг спала, пришлось самой немного прибраться в каюте, расставить на места всё упавшее, собрать рассыпанное, выкинуть разбитое, притереть лужи. Когда она занялась, наконец, *делом* – пропал и страх перед новым возможным штормом, и перед неизвестностью, что поджидала впереди, в чужой стране, и перед возможным новым замужеством и угрозами Хромца. Словно вместе с выкупом море поглотило её заботы: и те, что действительно стоили внимания, и надуманные. Живи, как сподобит Аллах, радуйся, что выжила, что люди рядом с тобой уцелели – и ничего не бойся. «Солнцеподобный» вышел из бури целёхонек, лишь половину ограждений снесло да сломалась одна из мачт – вот и хорошо! Матроса, угодившего под обломок, не раздавило и не пропорол, только покалечило руку – тоже хорошо, потому что умелый лекарь собрал предплечье по косточкам, зашил, положил в лубок; срастётся! Главное, что молодой мужчина жив, да скоро вернётся домой, на полный пансион из казны, а когда рана заживёт – подыщет себе занятие по силам.

Корабли из сопровождения, пусть не совсем целы, но все на плаву, вот что замечательно! Под удар шебеки во время шторма попал какой-то чужак; но потерпевших крушение христиан, цепляющихся за доски от разбитого судна, раскиданные волнами, выловили. Среди них даже оказалась женщина с ребёнком, сынишкой лет шести-семи. Вот уж и впрямь чудо – выжить в такую бурю, в волнах, и совершенно случайно быть замеченными и спасёнными не кем иным, как иноверцами... Разумеется, ни о каком пленении этих двоих и речи быть не могло, ибо говорили они на франкском наречии, и консул Бомарше немедленно простёр над соотечественниками защиту и покровительство державы, столь дружественной Османии. А вот остальных семерых, явно бриттанцев, хоть и обогрели, и накормили, но на всякий случай заперли в трюме. До дальнейшего разбирательства, после улаживания капитаном первоочередных дел.

По настоянию Ирис, в её каюте добавилось ещё одно ложе, на котором сейчас спали, погружённые в целительный сон, мать и дитя. Говорят, женщина, едва её подняли на борт,

прошептала: «Спасите сына... его хотели... О, мой маленький Анри!..» Похоже, крошечная семья избежала не только гибели в волнах, но и ещё каких-то неведомых пока несчастий.

И, как ещё одно чудо, ближе к ночи Али притащил к ней Назарку: изрядно отощавшего, да, вдобавок, искровянившего руки почти до локтей, так уж усердно он откачивал воду вместе с другими матросами. За что капитан смягчил ему наказание. А как без плетей, коли пробрался тайком на военное судно? Но внял мольбам «прекрасной Ирис», и, хоть порку не отменил, но назначил всего пять ударов вполсилы. Больше для порядка. И, как ни странно, довольны остались почти все: капитан – из-за того, что и закон соблюл, и проявил снисходительность, Али, который, похоже, успел соскучиться по мальчишке-егозе, и уже готовил мишень для метания кинжалов, грозясь, что, как только заживут у отрока руки, так и начнётся новое обучение. Даже слегка поротый Назарка сиял, как новенький дирхем. Ведь теперь он вновь рядом с Госпожой, да ещё плывёт навстречу новой жизни... а что наказали – так справедливо же! Заслужил. Зато теперь совесть чиста.

В каморке Али оказалось достаточно места для такого «крысёныша», как теперь частенько в шутку называли его матросы. Малец готов был ночевать и на коврике у порога, но для него повесили отличный гамак: хоть и не шикарное ложе, зато спать в нём можно было в любую качку.

Всё это свалилось на Ирис разом и вдруг, а потому – некогда было подумать о том, что произошло совсем недавно, когда она, высунувшись почти наполовину из иллюминатора, пыталась докричаться до Северного Ветра. Она бы долго ещё не вспомнила о той минуте, если бы вскоре не напомнила Мэгги.

Сонные капли были хороши, доза отмерена точно, и ровно через сутки нянюшка проснулась, шустро поднялась на ноги – без всяких признаков вялости – и принялась хлопотать. Кизилка – тот, потянувшись и зевнув во всю пасть, клацнул зубами и лишь повернулся на другой бок, едва не свалившись с подушки. И продолжил почивать, как и полагается настоящему коту; а вот неугомонная ирландка, набравшись сил во время сна, и, возможно, немного стыдясь, что, уснула, оставив свою голубку одну, теперь проявляла чудеса ловкости. Помогла удобнее обустроить «спящую красавицу», как с ходу окрестила молоденькую мать, даже во сне не отпускающую ребёнка; проследила, чтобы Ирис, наконец, поела, хоть и тюрки из сухарей, пока на камбузе не было горячей пищи; относила всё новые запасы снадобий в лазарет... Ей-то, немолодой, да ещё и прислуге, допускалось проходить мимо работающих на палубе мужчин, и не в чадре, а просто в хиджабе, главное – сохраняя скромность и глядя в пол...

Наверное, почтенный лекарь Серхат ибн Селим, был поначалу не слишком доволен вмешательством в свою работу; однако от эликсиров и мазей из кладовых «самого» Аслан-бея не отказался. Да и вдова с каждой очередной партией лекарств передавала извинения за то, что, дескать, отрывает его от забот, но во имя светлой памяти покойного супруга просила принять сии скромные дары.

А нянюшка Мэг, ничуть не устав после дневной беготни, загорелась идеей подобрать «спящей красавице» что-нибудь попроще из вещей своей голубки, да принялась разбирать сундуки. Не ходить же бедняге-француженке в тех обносках, в которых её выловили! Возможно, когда-то это бесформенное нечто, что сейчас просушивалось рядом с жаровенкой, могло сойти за вполне приличное платье; но, изодранное в клочья, уже никак не годилось для того, чтобы его носила богатая дама. А что женщина не из простого сословья – догадаться не составляло труда, по одному взгляду на маленькие белые ручки, явно не знавшие грязной работы, шёлковому чулку, единственному, оставшемуся на ножке – второй утонул вместе с обувью... А в какой превосходный камзолчик был наряжен мальчик! Башмачки-то он тоже потерял, но рубашка на нём была тонкая, батистовая, с вышивкой и кружевным воротником, пуговицы позолоченные, штанишки бархатные... К счастью, досталось ему во время шторма куда меньше, чем матери: должно быть, именно её заботливые руки обвязали его поверх одежды поясом из

широких пластин пробки, да и в воде малыш не цеплялся за доску, как все прочие, а был уложен, как на плотик, на вышибленную створку от двери,

Ирис разбирала сухие травы в нескольких холщовых мешочках и, устав за день, погрузилась в свои думы, а потому не сразу поняла, чем так расстроена её нянюшка. А та, перерыв основательно рундук, побледнела, и села растерянно прямо на крышку.

– Ох, голубка...

Нерешительно глянула на названую дочку.

– Да не перепрятала ли ты свой ларчик с добром? С подарками нашего эфенди? Что-то я его не вижу.

Девушка переменялась в лице и опустила глаза.

– На что он мне сейчас, няня? Ты же знаешь, я в трауре. Мне украшения носить не полагается.

– Однако же...

– Не ищи, – решительно прервала её Ирис. Лучше сказать всё сразу, чем вызывать ненужные подозрения. Ещё, чего доброго, Мэг начнёт грешить на объявившегося Назарку... – Не найдёшь. Я ими откупились.

– Да как же это!

Ничего не понимая, Мэгги вытаращила глаза. Ирис вздохнула.

– А вот так...

Аккуратно затянула шнурком горловину мешочка с валерианой.

– Очень сильный был ветер, Мэг. Очень страшный. Их корабль, – кивнула на койку со спасёнными, – у меня на глазах столкнулся с нашим. Я видела, как рвались паруса, как ломались мачты... Страшно, – повторила, глянув виновато. – А эфенди писал, что с любым Ветром можно договориться. Проявить уважение, угадать имя и предложить подарок. Они очень любят драгоценности.

Няня молитвенно свела ладони.

Она даже не усомнилась в словах названной дочери. И оттого, что безоговорочно верила, и оттого, что сама нынче слышала, как моряки во время намаза в очередной раз благодарили Аллаха за неслыханное чудо: дескать, шторм закончился внезапно, как по мановению руки; а ведь обычно в этих широтах он затягивается на неделю. К тому же, за три года жития в доме мудреца и чудесника Мэг навидалась всякого.

И кто же ещё мог догадаться спасти их всех, как не её девочка, набравшаяся мудрости от своего эфенди!

– Ах, жалость-то какая, – только и промолвила, покачав головой. – А какие подарки были... Я-то помню, как ты всё ворковала над ними, как дитя над игрушками. Вот, например, стрекоза с зелёными крылышками, ведь до чего хороша была...

– Хватит, няня!

Ирис сердито отвернулась. Сморгнула слезу.

– Оттого, наверное, у меня и получилось, – сказала, уняв дрожь в голосе. – Ветер – он мудрый, как эфенди. Распознал, что любимое отдаю.

Прикусила губу. Тряхнула рыжими кудрями.

– Всё, матушка Мэг, не будем об этом. И смотри, чтоб никому ни словечка! Сама знаешь, женщинам нельзя магичить. Мало ли что подумают!

– Молчу-молчу!

Мэгги торопливо перекрестилась, украдкой по привычке оглянувшись, и, всё ещё покачивая головой и сокрушённо бормоча слова сожаления, вернулась к своему занятию.

Ей удалось подобрать несколько кафтанов для незнакомки, а из одного, отороченного мехом, она надумала выкроить наряд для мальчика. Здесь, в море, солнце пока жаркое, но с

каждым днём, по мере приближения к берегам Франкии, оно всё меньше греет, надо бы потом пересмотреть и сундук с тёплой одеждой...

Незадолго до вечерней трапезы, когда Али ловко разгрузал принесённый с кухни поднос на низкий столик, заглянул уставший донельзя Огюст Бомарше. Глянул на ширму, прикрывающую спящих, устало опустил на подушки для сиденья.

– Али, это, конечно, не по правилам обеденного этикета, но налей мне сперва шербета. Благодарю.

Осушил внушительную пиалу, перевёл дух.

– В горле пересохло... Я ненадолго, крестница. Хотел справиться о том, как там наши гости. Похоже, они угодили в переделку, и если бы не это крушение – неизвестно, что ждало бы их дальше. Невольничий рынок, не иначе...

Ирис с Мэг ахнули в один голос.

– Да-да. Представь, корабль, на котором их везли, оказался пиратским. Ну, не явным, конечно. У одного из молодчиков обнаружилось каперское свидетельство. Это надо вовсе ополуметь, чтобы сунуться с ним на пути караванов, бороздящих пути из Османии во Франкию и обратно. Подданные Великого Султана очень не любят нахальных бриттов, это факт, а уж «джентльменов удачи» и подавно.

– И что теперь с ними будет?

– С пиратами-то? Не думаю, что в Марселе их ждут с распростёртыми объятиями; но куда больший счёт им могут предъявить в Константинополе.

– Нет, что с нашими гостями? – нетерпеливо перебила Ирис. – Они же не... не имеют отношения к этим негодьям?

– Что ты, Ирис-ханум, разве ты не видела, что у дамы на запястьях следы от верёвок? Да и на шее... Хм. Их явно удерживали силой. Наверняка похитили. Но... тс-с-с...

Бомарше, приложив палец к губам, поднялся и на цыпочках приблизился к ширме. Осторожно заглянул за перегородку.

И надо же случиться совпадению, что именно в этот миг «спящая красавица» открыла глаза...

Ирис этого не видела, но заметила, как остолбенел её друг.

Внезапное узнавание – вот что читалось на лице дипломата.

Машинально придерживая на груди покрывало, женщина смотрела на него, приоткрыв от изумления рот. Затем в страхе оглянулась. Обнаружив рядом с собой спящего ребёнка, успокоилась. И приложила палец к губам в понятном всему миру знаке молчания.

Огюст Бомарше так и впился взглядом в её сына. Узнавание на физиономии дипломата сменялось явным смятением.

– Не может быть, – прошептал он. – Не может такого быть... А я уже отпустил всех голубей. И не сообщить...

Почтовых голубей отпустил с посланием не только консул Бомарше, но и капитан Джафар. Быстрокрылые птицы были приучены летать по ночам, дабы не попасться хищникам, а потому и дипломат, и опытный мореход сперва дали им прийти в себя после штормовой трёпки, а потом уже, составив каждый своё донесение, да не в одном, а в трёх экземплярах, привязали к лапкам – и отпустили в ночную тьму, взывая каждый к своим богам, чтобы не встретились по дороге ни ястреб, ни альбатрос, ни злые шквалы, ни шальные стрелы-пули.

По расчётам франка и османца маленькие курьеры должны были добраться до консульства и резиденции королевского представителя в Марселе не менее чем за полтора суток. Это при лучшем раскладе, отдыхая на мачтах встречаемых кораблей или на крошечных островках.

Да ещё при условии, что в полёте не застигнет дождь. И даже в случае недоброго стечения обстоятельств хотя бы один из шести посланцев принесёт добрую весть о том, что с «Солнце-подобным» и его ценным грузом всё в порядке, что совсем скоро, дня через три-четыре при хорошем ветре он войдёт в Марсельский порт, буде на то воля Всевышнего. Хотя бы один из шести. Маленькие отважные птички, переносящие нужные сведения иногда почти за тысячу лье, причём, гораздо быстрее самого выносливого курьера, ценились баснословно дорого – порой, за одного голубя просили до тысячи золотых монет! Но и пропадали нередко, ибо врагов у них хватало, да и мать-природа не всегда играла на их стороне. А сколько отважных вестников гибли в кошачьих когтях или от мальчишеских рогаток, опустившись, порой, напиться у колодца или лужицы!..

Поэтому-то послания и готовились в нескольких копиях.

Но в этот раз словно чья-то невидимая рука разгоняла перед сизокрылыми птахами препятствия. Впрочем... рука осязаемая: невидимое, но хладное, вымораживающее дыхание, упреждая вестников, заставляло убираться с линии полёта и ястребов, и летучих мышей, отклоняло зарождающиеся смерчи и тайфунчики, разгоняло облака. И уже к вечеру одна троица пернатых вспорхнула в окошко голубятни османского посольства, а о второй торопливо докладывали Филиппу де Камилле, с которым недавнишний шторм, натворивший дел в караване, сыграл забавную шутку: оторвал от основного сопровождения и пригнал прямёхонько к родным берегам. Оттого-то и появился он во Франкии раньше всех, и ходил мрачный, как туча, пока не получил долгожданных известий от Бомарше. После чего помчался к королевскому представителю, за разрешением воспользоваться Старым Порталом, дабы незамедлительно передать Его Величеству Генриху добрые вести.

...Вестников обычно награждали. Вот и получил посол награду... Высочайший приказ жениться

Кто ж знал, что один взгляд синеглазой распутницы свергнет душу Филиппа в пучину тягостных раздумий и сомнений? И даже воля монарха покажется ему деспотичной и недостойной просвещённого времени? Ох уж, эти женские очи...

Зато его король не колебался ни секунды. Решение правильное. Женившись, граф де Камилле, подобно легендарному Александру, одним махом разрубил Гордиев узел проблем: продолжит, наконец, угасающий род, ибо после смерти старших бездетных братьев остался единственной надеждой больного отца; накрепко привяжет к Франкской земле рыжекудрую османочку с прилагающейся к ней сокровищницей мудрости. (А он, Генрих, этим самым утрёт нос выскочке Бесс)... Франко-османский брак дополнительно скрепит мирный Договор между двумя державами, как бы ни кривилась при этом Бриттания. И, что немаловажно, его давнишний друг поборет, наконец, нездоровую страсть, снедавшую его со времён отрочества и неудачной помолвки.

Да. Франкии не нужны озабоченные сердечными недугами дипломаты. В сердце посла должна гореть единственная любовь – к своей стране.

Ну, и к королю, конечно, но сие касается всех подданных, независимо от лиц.

А потому, желая ускорить, так сказать, процесс отвязки нездоровой привязанности от своего протеже, Его Величество не отказал в аудиенции графине де Камю, той самой синеекой прелестнице, предательнице; несмотря на то, что подобной чести – немедленного приёма – многие высокопоставленные лица дожидались неделями. Прямо сейчас, в данный момент, он желал поговорить с этой особой – и проставить жирный крест на её возможных надеждах и планах. А что последние, касаемые бывшего обманутого жениха, пестуются и лелеются, Генрих не сомневался.

– Проходите, сударыня, – сухо бросил он застывшему в дверях воздушному созданию. Особа, что ни говори, была хороша, дивно, сказочно хороша и свежа; но последние несколько лет женские чары на короля не действовали. После загадочной гибели Дианы де Монферрей,

последней фаворитки, его постель никто не согревал, и двор давно уже терялся в догадках: неужели Его Величеству так запала в сердце изменница, замеченная в связях с бриттами, что он не в силах её позабыть? Или так блюдет верность невесте Елизавете? Хм-м... Семь лет блюдет, а при неземной любви, предполагающей подобную верность, давно бы мог и жениться. Нет, что-то здесь не так. Либо же...

Но, вопреки злым сплетням, молодыми смазливими фаворитами король так же не торопился себя окружать. Поговаривали, что время от времени он исчезает из дворца, и даже бывал замечен в нескольких знатных домах Лютеции; но вот он ли это на самом деле, или двойник, о котором заведомо знали лишь одно – что он есть! – трудно было сказать.

В любом случае, одно оставалось бесспорным: женские чары на короля больше не действовали. А для отцов семейств, обременённых прекрасными дочерьми, сие оказывалось весьма досадным обстоятельством.

...Женщина, переступившая порог кабинета, сбросила песцовую накидку на руки метнувшегося к ней лакею. И стала ещё хрупче, ещё утончённее. Сильфида, эфир, небесное создание спустившееся на землю с лёгкого облачка, не иначе.

– Сир... – присела в глубоком реверансе.

– Прямо с дороги – и ко мне? – преувеличенно радушно заметил король. – Что-то дорожное платье у вас чересчур открыто для нынешней погоды. Я же запретил вне балов и приёмов появляться в подобном виде!

– Простите, сир!

Дама склонилась ещё ниже, предоставляя превосходный обзор на бело-мраморную грудь, впрочем, не так уж сильно и открытую. Декольте на платье было скромненьким, плечи прикрыты. Пожалуй, более внимания уделялось, чтобы подчеркнуть белизну кожи, чем неплохой бюст.

– Мы, бедные провинциалки, не успеваем следить за столичными нововведениями. Но я непременно исправлю свой промах. Нынче же...

– Нынче уже не успеете. Уже вечер. По ночам не ходят к модисткам, – подчёркнуто холодно ответил монарх. Сделал знак подняться. – Итак, что привело вас ко мне в такую пору? Неужели здоровье вашего очередного мужа ухудшилось?

– Как вы догадались? – пролепетала смущённая красавица.

– Это нетрудно.

Генрих прошёлся по кабинету, стараясь подавить раздражение. Дама выводила его из себя. Лгунья, такая же лгунья, как и Диана!

И да, он не собирался предлагать ей стул. Сидеть в присутствии короля – привилегия, даруемая далеко не всем, даже женщинам. *Эта* – пока ещё не заслужила.

– Отчего-то все ваши предыдущие мужья отличались хрупким здоровьем, – любезно пояснил он, оборачиваясь к посетительнице и закладывая руки за спину. – Вы намеренно выбираете их по этому признаку?

– Ваше величество!

Глаза Анжелики де Камю наполнились слезами. Даже губа задрожала, как у обиженного ребёнка. Понуро упал из шпильки золотистый локон.

– Вы же знаете, я не была вольна в своём выборе!

– Во втором и третьем браке, когда ваши родные с моей помощью старались уговорить вас, связав новыми брачными обязательствами – безусловно не вольны. В первом и последнем – всё зависело от вас. И не пытайтесь заверить меня в обратном!

Красавица умоляюще протянула руки:

– Сир! Вы даже меня не выслушали!

– Ах, да... – Король с досадой кинул взгляд на дубовую панель с чуть разошедшимся швом. – Простите, сударыня, вы же знаете, я лишь недавно вернулся с побережья, а вдали от двора совсем забываешь об этикете... Итак, я вас слушаю.

– И вы не... Даже не предложите?..

Очевидно, красавица хотела робко или смело намекнуть на приглашение присесть – это намерение так явственно читалось на её хорошеньком личике! – но король мысленно отмахнулся. Ничего. Если она и впрямь только что с дороги – насиделась за весь день в карете. Постоит. В конце концов, он тоже на ногах.

Графиня опустила ресницы, пряча рассерженный взгляд.

Интересно, скольким знакомым дамам она успела нажужжать, что король непременно предложит ей стул? А главное, теперь не солжешь и не приукрасишь: змеи-подружки наверняка подкупят его лакея, чтобы вызнать подробности визита.

– Мой супруг слегка занемог, сир. Вы правы. Но, клянусь, в том нет моей вины! Увы, вокруг вдов часто ходят порочащие их слухи. Но, право же, сир, нет ничего удивительного в том, что убелённый сединами старик шестидесяти пяти лет подхватил простуду. В его-то возрасте...

– Позвольте уточнить: в каком это «его» возрасте, сударыня? Насколько я помню, все графы де Камю отличались крепостью и долголетием: прадед и дед вашего супруга дожили до ста десяти и ста пятнадцати лет, а отец, которому сейчас за девяносто, жив до сих пор, хоть и покинул свет, запершись в келье. И о каких это сединах речь? У меня ещё свежо в памяти, как ваш муж бодрячком отплясывал с молоденькими девицами на вашей же свадьбе; девицы, кстати, запыхались раньше, чем он вспотел... Простуда, говорите?

– Государь! – В синих глазах вспыхнул непритворный ужас. – Всего лишь небольшой жар и насморк, уверяю! Вы словно обвиняете меня в чём-то? Клянусь, я забочусь о нём более, чем о собственном сыне! Франциск даже жалуется гувернёру, что совсем перестал меня видеть с тех пор, как его новый отец занемог. – Не сдержавшись, дама всхлипнула. Поспешно промокнула глаза платочком, натянуто улыбнулась. – Нет-нет, государь, здоровье его сиятельства пошло на поправку, и раньше, чем распустится верба, он уже примется объезжать свои виноградники, проверяя обрезку и весенние работы.

– Вот как...

Генрих заметно смягчился.

– Тогда что же привело вас ко мне?

Дама поджала губы. С досадой покосилась на монарха, рассеянно перебирающего сложенные на письменном столе бумаги. Похоже, она не ожидала подобного приёма.

– Ах, Ваше Величество, болезнь супруга, хоть и незначительная, напугала меня. Что, если на мне тяготеет проклятье, и все мужчины рядом со мной обречены на преждевременную кончину? Вы скажете: глупости, суеверия, бабьи сплетни – и я рада бы с вами согласиться, но так боюсь оказаться права. Сир, я всего лишь женщина, простите. Меня тревожит мысль, что если я, всё ещё молодая, переживу мужа – что станет с моим сыном? У графа де Камю, при всём моём уважении, целый сонм любящих родственников, которые не преминут налететь на его наследство и растащат по кусочкам, поскольку и он относится к ним по... родственному. В завещании он уделяет внимание каждому, даже предусмотрел приданое самым захудалым племянницам, каким-то нищенкам, которых и без завещания уже готов взять в приживалки. Его остановили лишь мои возражения, вполне понятные: какая женщина согласится держать под носом у вполне ещё бодрого, как вы изволили заметить, мужа молоденьких и хорошеньких особ? Я, разумеется, не ханжа, но всё же...

Генрих помотал головой.

– Бр-р-р... Ближе к делу, сударыня, и не пытайтесь меня запутать.

– Ах, простите, сир. Дело в том, что граф, несмотря на обещание, всё ещё не усыновил Франциска. Понимаете? И не из-за того, что передумал, нет! Прощение об усыновлении подано вам, государь, и ещё полгода назад, но вы никак его не подпишете. Мой мальчик пока что пасынок, а, став, приёмным сыном, он будет вписан в завещание в совсем ином статусе! Я – мать, сир, у меня единственное дитя, и теперь уже вряд ли родится ещё одно... Ну, вы понимаете, от немолодого мужа это не всегда возможно... Я всего лишь хочу позаботиться о своём ребёнке.

В задумчивости король потерял бородку.

– Что-то припоминаю.

Черкнул пару слов в раскрытой тетради.

– Если ваше прошение по какой-то причине задержалось в моих бумагах, его завтра же отыщут, и я его подпишу. Вы удовлетворены?

– О, Ваше Величество!

Радость, озарившая лицо просительницы, казалась столь искренней, что сердце короля едва не дрогнуло. Но закаменело при следующих словах:

– А что, если всё же...

Генрих сурово свёл брови.

– Не злоупотребляйте моим терпением, сударыня. Вы опять хотите намекнуть о возможной кончине мужа? Я не желаю более о том слушать.

Анжелика дю Камю скорбно вздохнула.

– Но все мы смертны, государь. Я – мать...

– Да, да, представьте, я это помню и отношусь с пониманием. Что ещё вас тревожит?

– О, я всей душой прошу у Всевышнего, чтобы мой супруг прожил в здравии и достатке множество лет; но вдруг злой рок отнимет его, пока Франциск не достигнет совершеннолетия и не сможет вступить во владение наследством? Поймите правильно, сир, я сама, трижды вдова, успела натерпеться от собственного бесправия, когда налетевшие родственники покойных мужей, выставив против меня самых подкованных Законом стряпчих, оставляли нас с сыном без гроша; я всего лишь хочу...

Она медленно опустилась на колени и преклонила голову.

– ...защититься, сир. Быть уверенной в обеспеченном будущем, каким бы оно для нас с сыном ни сложилось. Разве это преступление? Умоляю, государь, не думайте обо мне дурно.

Вздыхнув, Генрих предложил даме руку, помогая подняться.

– Слушаю вас, сударыня.

Она с благодарностью пыталась перехватить его ладонь, дабы поцеловать, но король не дался.

– Незачем, незачем, уверяю. Вдруг я ещё откажу? В чём заключается ваша просьба?

Он прекрасно осознавал, что вся эта игра ведётся ради какой-то определённой цели, ещё не озвученной.

– Сир, согласно закону, в случае, если наследник земель и имущества несовершеннолетний, вами назначается опекун, который берёт на себя управление делами до того времени, как наследнику исполнится двадцать один год.

Гм. Похоже, вот оно, главное.

– Прошу вас, назначьте таким опекуном графа де Камилле!

Вот и прозвучало давно пестуемое. Заветное.

– Он до сих пор сохранил ко мне доброе отношение...

Король повертел в руках карандаш.

– ... и не верит глупым и страшным сплетням обо мне. Он не даст нас в обиду! Разумеется, сир, я говорю лишь о том случае, если злой рок прервёт жизнь моего мужа раньше, намного раньше, чем я...

«...чем я рассчитываю», – мысленно довершил за неё король. И придал физиономии самое благостное выражение.

– Что ж...

Повисла долгая пауза. Его величество якобы размышлял. Затем благосклонно кивнул.

– Ваши мотивы понятны, сударыня. Более того – я принял их близко к сердцу. А потому вот вам моё королевское слово: в случае, если вы с сыном осиротеете до его совершеннолетия – опекуном вашего семейства я назначу...

И добавил, глядя прямо в глаза прелестнице, чтобы ничего не упустить:

– Себя лично. Думается, это самый лучший вариант.

Кажется, сильфида едва не задохнулась.

Лишь выдержка и закалка, приобретённые в преодолении множества интриг, позволили прелестной авантюристке не отшатнуться. Король готов был поклясться, что правая ручка дамы дёрнулась не за платочком, утереть слёзы умиления и радости, а чтобы вlepить ему полновесную затрещину. Хочется – да нельзя-с. Король, как-никак, хоть и с мужицкой мордой.

– О, благодарю, Ваше Величество, – прошептала прелестница, собрав остатки воли в кулак. – Но у вас столько забот, столько государственных дел... Почему не... Филипп?

А глаза так и метали синие молнии: «Почему не Филипп?..»

Король развёл руками.

– Потому что, насколько мне известно, к тому времени граф Филипп де Камилле будет обременён собственным семейством. Ведь в скором времени он женится. И, конечно, уже лет через несколько будет весьма озабочен судьбой и имуществом, сберегаемым для собственных наследников; куда уж ему заниматься чужими делами. А мне, как образцовому монарху, не впервой брать на себя заботу о подданных; одним больше, одним меньше... Смиритесь, сударыня.

И это «смиритесь» относилось вовсе не к возможной предстоящей опеке.

Просительнице оставалось лишь присесть в очередном реверансе и молча, словно не находя слов от переполнявшей её благодарности, покинуть кабинет.

Генрих устало опустился в кресло и потёр лицо ладонями.

– Вот теперь пусть бесится, сколько хочет.

С шорохом откинулась дубовая панель стеной обшивки. И в кабинет шагнул ещё один король... как могло бы показаться стороннему наблюдателю.

– Это она и есть? – только и спросил.

Даже голос был такой же, неотличимый.

– Она. Трижды вдовица, которой не терпится стать вдовой четырежды. Видал, до чего додумалась? – Король мотнул головой вслед убравшемуся прелестному созданию. – Разъярена, как тысяча диких кошек, но политес соблюдает. Лишь бы себя не выдать...

– Думаешь, на этом успокоится?

– Да ты что, Мастер Жан? Эдакие стервы, пока свой кусок не сожрут, перегрызут всех вокруг! У нас есть ещё время, пока она будет собирать сведения о возможной сопернице. Видишь, закипела, ушла, даже имени невесты не спросила, а сейчас наверняка локти кусает. А время-то идёт... Вот что, кузен, поезжай-ка ты в Эстре. Побудешь пока инкогнито, хотя в случае необходимости можешь назваться и мною; последи там за нашей гостьей, обезопась, если вокруг неё начнут вертеться люди графини. А она наверняка рано или поздно её вычислит. В Эстре Ирис Рыжекудрая проведёт не меньше месяца, потом пожалует сюда; к тому времени Филипп должен её очаровать. Тут-то мы их и обвенчаем. За это время мои шпионы из Камю раз узнают, что творится в замке, и если впрямь выяснится, что со здоровьем у графа неладу не просто так – возьмём за горлышко эту сильфиду.

– Думаешь, травит мужа?

– Не исключено. Или травит, или втихую балуется магией, причём тёмной. Нужны доказательства, а их пока что недостаточно – ни для монастыря, ни для костра.

– Даже так?

– А ты, Мастер Жан, не покупайся на невинные глазки и дрожащие губки. Да что я тебе говорю, ты сам вместо меня от скольких таких отбивался, и до сих пор жив и даже не окольцован. А всё почему?

Жан Дюмон-Валуа, кузен короля и его тайный двойник, вздохнул:

– Потому, что в прошлом у нас у каждого своя такая вот...

– ... сильфида, – завершили мужчины хором. И невесело усмехнулись.

Глава 3

Первый в жизни шторм так и остался в памяти Ирис настоящей катастрофой, ужасающе грозным, и вместе с тем – прекрасным гневом стихии, под который лучше не попадать никогда в жизни, никогда!

Казалось, страшное испытание изменило её тихое бытие раз и навсегда, и жизнь уже не станет прежней. Поэтому она не на шутку удивилась, и даже немного растерялась, когда с рассветом за ней, как бывало когда-то, чуть ли не тысячу лет назад, постучался Бомарше с приглашением на обычную утреннюю прогулку. Вернее, так только говорится, что постучался. На самом деле галльский дипломат сперва заглянул в каморку Али, растолкал спящего без задних ног Назарку, послал его разбудить «почтенную тётушку Мэг», а уже та, наконец, робко тронула за плечо свою «голубку», жалеючи, поскольку та накануне, заговорившись со спасённой женщиной, отошла ко сну каких-то два часа назад.

Известие о поджидающем вместе с рассветом Бомарше её огорошило.

Жизнь-то, оказывается, продолжается! Точно так же поутру неспешно и величаво встаёт солнце, и волны шевелятся лениво и нехотя, словно не бесились каких-то два дня назад. Всё так же округло надуваются паруса, хоть и прореженные бурей, но дивно подкрашенные рассветом; где-то на своём мостике рулевой впивается взглядом то в горизонт, то в компас; хлопают крыльями альбатросы...

Вот только стало заметно прохладнее. И палуба выглядела изрядно потрёпанной.

Выкрашенные перед самым отплытием, надстройки зияли счищенными, словно наждаком, залысынами, с белёсыми пятнами въевшейся соли. Кое-где в палубных ограждениях – фальшбортах – зияли прорехи. А ещё, по рассказам Бомарше, ветер порядком потрепал снасти, оказались доверху залиты водой цепные ящики. Но всё это потихоньку латалось, менялось, приводилось в надлежащий вид, и к моменту прибытия в гавань галеас намеревался сиять, как новенький. Из-за потери скорости при нехватке парусов вспомнили, наконец, о галерниках, и теперь по обоим бортам синхронно вздымались и опускались в воду четыре десятка вёсел, за каждым из которых сидело по три каторжника.

Заложив руки за спину, Бомарше довольно прошёлся по расчищенному кусочку палубы.

– Судя по приметам, хорошая погода установилась надолго. Одно плохо: несколько дней мы, конечно, потеряли. Если бы не Пойраз...

Ирис вздрогнула.

– ... Ты, наверное, знаешь: так моряки кличут здешний злой ветер. Говорю, если бы не он, мы уже входили бы в Марсельский порт и ждали таможенников. А теперь нас порядком снесло назад. Смотри, мимо этого островка мы проплывали как раз перед самым штормом! Что ж; как говаривают у нас на Востоке – будем считать, что это «Кисмет», судьба... Кому-то там, на небесах, угодно было помотать нас по морю, дабы высадить во Франкии именно в предназначенный провидению день, а не тогда, когда нам будет угодно. Кстати, Ирис-ханум...

Сняв плащ с меховым подбоем, накинул его на плечи девушки.

– Привыкай, начинает холодать. Не хватало тебе, южному цветочку, простудиться перед торжественной встречей с герцогом Эстрейским... Да, хотел спросить: тебе не тесновато в каюте? Капитан беспокоится: ты же его почётная гостья, а вынуждена страдать в тесноте. Для него это просто позор. Поэтому мы договорились, что я отдаю госпоже де Клематис с сыном свою каюту, а сам подселюсь к помощнику Джафара-аги. Ничего. Несколько дней как-нибудь потерпим друг друга.

– О, нам нисколько не тесно! – живо возразила Ирис. – Госпожа Аннет такая приятная особа, и нисколько не утомляет! К тому же, она пока слаба, и хорошо бы приглядеть за ней эти несколько дней, что нам остались в пути. Если только...

Даже сквозь вуаль видно было, как она побледнела.

– Август, с ней ведь не будет ничего... нехорошего? Аннет и впрямь никак не связана с этими отвратительными пиратами?

– Ну, что ты, Ирис-ханум! – как-то чересчур торопливо возразил консул. – Аннет де Клематис – несчастная жертва! Открою тебе по секрету: за неё с сыном обещали богатый выкуп. Но... не могу раскрыть пока всех обстоятельств, скажу одно: этим «джентльменам удачи» поступил срочный приказ: срочно пойти с каким-то поручением к османским берегам, а там, волею хитрюги-судьбы, они угодили в самый шквал, да под таранный удар нашей шебеки. Спасение, порой, приходит к узникам с той стороны, откуда и не ждёшь.

– Постой, а ты-то откуда всё это знаешь?

Дипломат отвёл глаза.

– Думаешь, всё это время выловленные христиане скучали в судовом карцере? Конечно, капитан их допросил – о том, кто они, куда и с какой целью направлялись. Поначалу они представились испанцами, но, сразу видно, соврали не подумавши: бриттский акцент никуда не денешь. Да ещё сплели достоверную сказочку о богатой купчихе, которая их наняла, чтобы доехать к мужу в Эдирне... Но в самом разгаре их вранья случилось некое обстоятельство, на которое наши актёры не рассчитывали. Наш судовой лекарь, что вместе со мной присутствовал на допросе в качестве переводчика, узнал главаря, Дика Дрейка, брата небезызвестного Френсиса Дрейка. Лет пять тому назад дражайший Серхим служил на флагмане под командованием самого Барбароссы Хайреддина-паши. Тогда захватили и повесили весь экипаж Дрейка-младшего, а его самого били плетьюми – и хотели отвезти на суд султана: у того имелся изрядный счёт к обоим братьям. Но каким-то образом негодяй сбежал в открытом море, где ни одного клочка земли, и скрылся от наказания. Хвала Всевышнему, острый глаз не подвёл уважаемого Серхима; пирата он опознал почти сразу. Да и на груди у того дурака татуировка дюймовыми буквами: «Дикки Дрейк». Даже свести не догадался, болван. А на спине метки от плетей...

Перехватив ошеломлённый взгляд, Бомарше понял, что сболтнул лишнего.

Глаза девушки округлились.

– Как – на спине? – шёпотом переспросила. – Его что, разде... раздевали? Их пытали?

Дипломат вздохнул.

– Ох, крестница... Не забудь: на военном корабле мы сами как на войне. Если есть подозрение, что выловленные из воды – каперы... Никто не любит пиратов. А человек военный, такой, как Джафар-ага, привык добывать сведения быстро и эффективно, потому что от его оперативности зависит жизнь тех, за кого он отвечает. Конечно, пленных не особо... пытали, но и не церемонились. Тем более, после опознания. Обыскали, нашли несколько интересных бумаг, почти не попорченных водой, и тогда допросили уже всерьёз.

Он умолк.

Ирис сглотнула. И невольно оглянулась. Показалось, что среди розовеющих парусов закачались грязные силуэты повешенных.

– Да на вёслах они сейчас, – с досадой бросил Бомарше. – Что ты, в самом деле, считаешь капитана таким извергом? В наш просвещённый век никто не вздрёт человека без суда и следствия. Особенно, когда...

«... восемь гребцов захлебнулись во время шторма», – едва не проговорился он. Пospешно довершил:

– ... каждая пара рук дорога. Пусть помашут вёслами, и до Марселя, и обратно, до Константинополя. Глядишь, тем, кого приговорят к каторге, зачтётся часть отработанного времени... Ирис, не стоит жалеть убийц и грабителей.

Девушка опустила голову.

– Да, знаю.

Рассвет вдруг показался тусклым, растеряв половину красок.

– Эфенди не прятал меня от жизни, напротив: хотел, чтобы я знала, что творится за пределами нашей садовой ограды. «Нельзя всю жизнь отсидеться в раковине, как рак-отшельник», – говорил он. – «Мир надо принимать, каков он есть». Но одно дело – услышать, что где-то там, не на твоих глазах кого-то лишили жизни, и другое – знать, что, возможно, прямо над твоей головой, прямо сейчас...

Невольно они оба посмотрели вверх, на рей, несущие тяжёлые, надутые ветром полотнища.

Бомарше потёр запястье. Шрам, оставшийся после оттрачивания кисти, при перемене погоды и климата напоминал о себе нытьём.

– Рассказать тебе, как пираты обращаются с пленными? Какие пытки применяют? Что делают с женщинами? Как высаживают своих же, осуждённых за любой проступок, на крошечный остров, без клочка зелени, затапливаемый дважды в сутки приливом? Как закапывают на берегу по шею в мокром песке и оставляют, пока их не объедят крабы или не накроет волной?

Ирис сглотнула.

– Не надо. Мне... успела кое-что рассказать Аннет. Её они не трогали, но замучили двоих заложников, просто так, для острастки, чтобы она не вздумала бежать. Иначе догонят и сделают то же самое с сыном... Послушай, Август, – Ирис тронула франка за руку. – Кто она такая? Она лишь назвала себя – и тотчас разрыдалась. Потом мы говорили только о её пленении и о спасении, но ничего – о прошлой жизни. Но ты говоришь о ней, как о знакомой; ты узнал её, да? Почему ты так быстро ушёл, когда её увидел, и даже не заговорил с ней?

Бомарше так и зарделся.

– Ирис-ханум! Неужели ты не понимаешь: дама была практически... не одета, я не хотел её смущать. Да, я её узнал, скрывать не стану. Мне приходилось несколько раз встречаться с... маркизой де Клематис, но в то время я знал её под другим именем, и встретились мы очень далеко отсюда, в Эстре. Потом она таинственным образом исчезла. Несколько лет все считали её погибшей; и вдруг я вижу её здесь, среди Средиземного моря, живой и почти невредимой, и с чудесным сыном! Я просто глазам своим не поверил. К тому же, она маркиза, значит, за это время вышла замуж, а разыскивали-то незамужнюю девушку! И у неё, к тому же, сын... Бог мой, как он похож на отца! А тот ни сном, ни духом не ведает...

Батистовым платочком Бомарше поспешно промокнул испарину на лбу. Пробормотал:

– Это просто невообразимо. Если бы ты знала, Ирис-ханум, как в своё время её разыскивал... э-э... супруг, как горевал... Впрочем, трудно было что-то тогда прочесть по его мужественному суровому лицу, но я-то догадывался...

– Так он действительно не знает? – едва ли не в ужасе вскричала Ирис. – Не знает о сыне? О том, что жена жива? Надо известить его немедленно!

– Тс-с... – Бомарше на всякий случай оглянулся. – Скажу тебе по секрету: дело это тонкое и политически чрезвычайно важное. Замешаны такие лица, что как бы... не оказать нашей гостье медвежьё услугу. Есть у меня подозрение, что она и в переплёт-то угодила из-за того, что столкнулись интересы высокой политики. Тут надо действовать тонко. Дипломатия, душа моя, руководствуется порой одним принципом с медициной: «Не навреди!» А посему – доверься мне и молчи, молчи, заклинаю всеми святыми, мусульманскими и своими! Хорошо?

Его «крестница» растеряно кивнула:

– Не совсем поняла, но... хорошо. Но ты потом расскажешь, встретятся ли они?

– Непременно. Однако ради этой встречи я сперва должен узнать в подробностях, что же случилось с... маркизой, и от кого ещё, возможно, нам придётся её скрывать, дабы это семейство, наконец, воссоединилось. Но тебя она не знает, поэтому и помалкивает о своём

прошлом, а со мной, надеюсь, будет более откровенна, как со старым знакомым, неплохо себя зарекомендовавшим. Бедняжке нужно время, чтобы прийти в себя, осознать, что она, наконец, у друзей. Вот тогда-то я её разговорю – и вместе мы решим, как поступать дальше.

– Политика... – пробормотала Ирис. – Что это за штука такая, если из-за неё супруги вынуждены расстаться, и целую вечность не знать друг о друге?

– О-о, душа моя, Политика – это такая нечистоплотная дама, и допускает такие грязные игры... Лучше тебе не знать и не вмешиваться. Но не бойся: пока я рядом – скажу, в какую сторону лучше не смотреть и куда не соваться. Понятно?

Она покивала.

– Август, ты не согласишься, но ещё как понятно. А смена династии – это тоже политика?

– Безусловно.

Бомарше запнулся. Задержал на ней взгляд и... промолчал. Имелись у него кое-какие догадки относительно происхождения своей «крестницы», но о них он предпочитал не заговаривать. В соответствии с теми же причинами, о которых только что упоминал.

– А вот дальше... – Покачал головой. – Дальше, Ирис-ханум, нам с тобой придётся на время расстаться. Независимо от степени откровенности Аннет де Клематис, я обязан – да, просто обязан! – сообщить госу... любящему супругу о чудесном обретении потерянной жены и сына. Сразу по прибытии в Марсель я должен буду отбыть в Лютецию. Придётся нам с тобой нарушить протокол. Мои обязанности, как сопровождающего по Эстре, возьмёт на себя де Камилле. Ты доверишься ему? Он не вызывает у тебя отвращения?

Ирис улыбнулась.

– С тобой, конечно, было бы интереснее, ведь Филипп вечно угрюм и неразговорчив. Но не станет же он ходить за мной, как привязанный, день и ночь! К тому же, у него свои обязанности, к которым ему наверняка придётся вернуться. А я...

– А ты будешь, как и прописано в протоколе пребывания, гостьей герцога Эстрейского, и у него найдётся достойный кандидат на роль твоего спутника. Уверена, что и герцогиня уже подобрала тебе свиту. Я хотел сказать, одну-двух подруг-компаньенок, дабы ты могла появляться на людях, не нарушая приличий. Да и я долго не задержусь в Лютеции... надеюсь. Эстре – прекрасный город, тебе не придётся скучать.

– Постой-постой, а маркиза Аннет? Она останется в Марселе?

Бомарше задумался.

– Посмотрим по обстоятельствам. В любом случае её нужно вывести с корабля незаметно. Лучше всего – у всех на глазах. Нет, я не противоречу сам себе, просто запомни, что прятать что-то или кого-либо удобнее всего на виду, такая вот странность... Кажется, тётушка Мэг перешивала для неё кое-что из твоих вещей?

– О-о, Август, думаешь, её ищут? Всё так серьёзно?

– Может, и не ищут, но осторожность не помешает. Как, однако, кстати здесь оказался твой мальчишка, этот Назар! Маркиза будет изображать твою компаньонку-спутницу, Мэг – служанку, Назар и маленький маркиз – мальчиков на побегушках. Анри, конечно, маловат для поручений, но такой хорошенький... Вот что: придумай какой-нибудь красящий состав, который потом легко смоеся: мы сделаем из него арапчонка. У франкских дам в последнее время настоящее поветрие – заводить этаких живых кукол в тюрбанах... Боже, что я творю, и главное – с кем!

Последние слова он пробормотал чуть слышно.

– Арапчонка?

Ирис похлопала ресницами. И неожиданно фыркнула.

Новая, как хотелось думать, родина встречала её загадками и приключением. В серьёзные угрозы со стороны мифических преследователей дамы с младенцем как-то не очень вери-

лось, но раз уж предупреждение исходит от самого Августа... Ему Ирис доверяла, как самому эфенди.

Но... арапчонок?

Пожалуй, это возможно: смешать краску на основе сока скорлупы грецкого ореха. У неё есть запас экстракта, специально для Мэг, закрашивать седину. Только оттенок кожи получится не как у Али, а посветлее, надо бы добавить басмы, масла какао и масла гвоздичных почек – для лучшей текстуры и приятного запаха.

Она представила разношёрстную компанию, торжественно вышагивающую по сходням... и неудержимо расхохоталась. Потому что рядом с тремя женскими фигурами, кажущимися бесформенными под чадрами, с двумя арапчатами – Назарку непременно надо выкрасить, интересно же! – увидела и грозного Али, и не менее грозного, величиной с леопарда, рыжего кота, с зубами, как сабли, с позолоченными чехольчиками на когтях, в изумрудном ошейнике... А вслед за ними, прямо-таки, как за султаном, ступает целая свита из янычар-матросов, с ятаганами наголо.

Да, прекрасная Франкия, подобного зрелища ты точно никогда не видела!

А уж Фонтан Палача – никак не мог предугадать...

Все оставшиеся дни путешествия женщины усердно шили. И не только нянюшка Мэг, надумавшая справиться спасённой из морской пучины гостье хоть одну смену одежды, а её сынишке заготовить тёплый кафтанчик. За содержимое рукодельных шкатулок ретиво ухватились и сама Ирис, и маркиза де Клематис.

Поначалу девушке и в голову не приходило – предложить новой знакомой взяться за работу. Всё же знатная особа, а вдруг оскорбится? Как-нибудь они с няней, привычные в минуты покоя заниматься шитьём да вышивкой, управятся... Она просто заглянула с утра в каюту гостьи, спросить, как здоровье, нет ли тошноты или слабости, либо иных тревожных симптомов. Долгое напряжение, ужасы плена, пребывание в воде без надежды на спасение не идут на пользу, но последствия пережитого могли сказаться не сразу, а накатить позже... К счастью, Аннет де Клематис оказалась женщиной крепкой, недюжинного здоровья, хоть и маркиза. А Бомарше-то отзывался о светских дамах, как об изнеженных хрупких цветочках! Госпожа Аннет, если и напоминала цветок, то разве что тот самый, что по названию совпадал с её фамилией: клематис, выставляющий наружу нежные лепестки и пышную листву, которую так и хотелось погладить; но под цветочно-лиственным ковром скрывающий целую сеть прочных стеблей. И неважно, где проросла живучая лиана, она всегда находила опору: натянутую бечеву, шпалеру, соседний куст, забор, выступы или просветы в кирпичной кладке – что угодно, лишь бы надёжно закрепиться и ползти дальше.

Крепкий такой цветочек...

Узнав, что самочувствие гостьи и её сына превосходное, Ирис пригласила их к себе, для решения деликатного вопроса. Мэгги уже подогнала несколько кафтанов из хозяйского сундука на хрупкую в талии, но развитую в груди франкцуженку, однако любой кафтан – дело тонкое. Он требовал примерки. У рубашек и нижних платьев достаточно было подправить длину; а вот с верхней одеждой пришлось повозиться, чтобы та и не обтягивала чересчур, и не топорщилась, собираясь в ненужные складки.

Но первым делом маленького Анри попросили примерить новый камзолчик, сшитый пока на живую нитку.

И уж заодно – принялись обмерять Назарку. Который от внимания двух таких важных госпож а ж вспотел, раскраснелся и, казалось, готов был провалиться сквозь пол, в нижний трюм. Но пришлось терпеть. Особенно, когда объяснили суть предстоящего маскарада. Ему!

Стать настоящим арапом! Таким же чёрным, как Али! Вопреки опасениям хозяйки, Назар пришёл в восторг. Единственное, на что он поначалу не соглашался – это обрить голову, но тут уж ничего не попишешь: странно было бы, торчи из-под тюрбана длинные льняные патлы, это у чернокожего-то.

Вот чего не нашлось в дорожных сундуках – так это обуви для семилетки Анри. Выручил Али. Заглянув в каюту на женские горестные стенания, расспросил свою ханум поподробнее – ибо франкское наречие знал пока с пятого на десятое, хмыкнул, обмерил бечёвкой ступню мальчугана и заверил, что на сапожки времени не хватит, а вот на туфли... Туфли будут. Пусть хозяйка не беспокоится. На корабле есть разные умельцы, справятся и с этим.

Женщинам осталось лишь вздохнуть с облегчением, усадить мальчишек за сладости и шербет, а самим взяться за шитьё. Вот тут-то Ирис и удивилась, когда маркиза, словно само собой разумеющееся, подхватила одну из батистовых рубашек с намёткой по подолу, и... иголку с ниткой. Да так ловко принялась выкладывать стежки, да так ровнёхонько, словно заправская швея. Мэг украдкой лишь головой покачала.

«Вот это да!» – мысленно восхитилась девушка.

Шить, особенно вышивать, она любила. Рукоделию научилась ещё в Серале, и потом, в замужестве, всё старалась порадовать Аслан-бея приятными глазу мелочами. Огюст Бомарше, хоть и посмеивался над её увлечением, но не уставал повторять, что его «крестница» – словно Прекрасная дама, поджидающая за пальцами возвращения своего верного рыцаря из похода. А однажды, после долгих жалоб на то, что его восстановленная кисть никак не вернёт былую ловкость, Аслан-бей, подумав, подошёл к юной жене, потихоньку нанизывающей очередную цепочку бисера для шитья вприкреп, вытащил из игольницы иглу – и протянул неугомонному пациенту.

– Вот, друг мой, решение всех твоих бед. Научись владеть ею так же виртуозно, как моя маленькая джаным – и забудешь, что когда-то новые пальцы не слушались.

Сейчас она улыбнулась, вспоминая пыхтение галла над пальцами с канвой, и украдкой, исподлобья, кинула взгляд на соседку, сосредоточенное выражение лица точь в точь повторяло серьёзные гримасы Августа.

Но вот что интересно: Аннет напоминала Бомарше и кое в чём другом. Тот, хоть и возведённый за заслуги перед королём в графское достоинство, никогда не кичился титулом и без всякого стеснения поминал своё писарское прошлое. Гордился, что три года провёл на казённой службе, дабы после разорения и смерти родителя не дать скатиться семейству в окончательную нищету. Не было в нём ни вальяжного аристократизма сотоварища по посольству Ангеррана, в жилах которого так и просвечивалась голубая кровь, ни снобизма консула Франджипани, еле-еле снисходящего к менее титулованным особам, ни холодности Филиппа де Камилле с его манерой глядеть *сквозь* прислугу, будто не сновали вокруг ни горничные, ни камердинер, будто обеденный стол накрывался сам собой, и одежда и сапоги надевались чудесным образом сами, а кушанья доставались лакеями из воздуха...

Аннет на удивлённые взгляды Ирис лишь сверкнула белозубой улыбкой.

– Удивлена?

Та замялась.

– Н-не совсем... Думала, маркизы умеют только вышивать, шелками да жемчугом.

– Ну, не такая уж я и маркиза...

Изящным движением Аннет провела ноготком по шву, выравнивая натяжение нити, и подмигнула ошеломлённой девушке.

– В общем-то, совсем не маркиза. Титул достался мне случайно, от мужа, как и фамилия. Но не думай, я не какая-нибудь преступница в бегах, или шпионка... Просто мне надо было защитить сына. Одинокой женщине с малышом нелегко в этом мире, особенно, если хочется дать ребёнку всё самое лучшее. Пришлось...

Улыбка сошла с её личика.

– Послушай, Ирис...

Опустила шитьё на колени.

– Огюст сказал: тебе можно довериться. Ты надёжна, как скала. Я ему верю... и потому – верю тебе. Но захочешь ли ты взять на себя такую обузу, как чужая правда и чужие заботы? Одно твоё слово – и я замолчу. Просто скроюсь в закоулках Марсея и больше о тебе не вспомню.

– Погоди: как это – скроешься?

Ирис сморгнула. Сердито затрясла головой.

– Нет, так не годится. Мы преломили с тобой хлеб, мы спали под одним кровом, а сейчас делим одежду. Август сказал, что беда угрожает и тебе, и сыну. Да как же я тебя брошу? Аллах не зря сводит людей: наверное, мы нужны друг другу. Нет, Аннет, даже не думай пропадать. Что мне с того, что ты не маркиза? Я сама ещё три года назад была рабыней и султанским «подарком», а сейчас – меня называют почтенной вдовой и кланяются с уважением; хотя я всё та же, просто лежит на мне тень высокоучёного мужа, великого мудреца и учителя. Расскажи о себе всё, что сочтёшь нужным, и я помогу, чем сумею.

Губы Аннет задрожали. Сдержав рыдание, она подалась было к Ирис – и замерла в нерешительности. Та сама порывисто обняла её. Отстранилась. И обе засмеялись, обнаружив, что инстинктивно отставили вбок руки с зажатыми иглами, дабы не уколоть друг друга.

Няня Мэгги, худо-бедно понимавшая франкскую речь, опасливо покосилась на маркизу, но промолчала. И постаралась тихонько отодвинуться со своей работой подальше, чтобы не мешать душевной беседе, держа, впрочем, ушки на макушке. Будь они в Серале, она бы уже запричитала: «Ирис, детка, не слушай эту женщину! Не доведёт она тебя до добра!» Но сейчас – не торопилась осуждать. Жизнь в доме Аслан-бея сказалась на ней удивительным образом: даже видя великого человека нечасто, слушая его речи краем уха, она впитала немало мудростей и рассуждений, а избыток свободного времени позволял ей обдумывать, делать выводы. Да и от окружающих – стареньких служанок, садовника, сторожа и даже повара нередко можно было услышать: «А вот наш эфенди говорит в таких случаях...»

Оттого-то Мэг и не возмущалась, и не торопилась уверить свою «голубку», что новая подруга втирается в доверие, желая, возможно, использовать неопытную девушку в своих целях. Эфенди учил: «Сперва померяй обувь другого человека, поноси его одежду, пройди тысячу тысяч шагов в его теле – а потом осуждай... если будет за что».

К тому же, кафтан сам себя не дошьёт. Вон, даже словоохотливая иноземка вновь взялась за работу; не избалована, видать, бездельем-то, привыкла чем-то ручки занимать, хоть они у неё такие беленькие да нежные.

– Я расскажу тебе не всё, милая Ирис. Постарайся меня понять: в этой истории замешано слишком много...

– Политики? – с пониманием кивнула девушка. – Аннет, да я ведь многого и не прошу. Мне нужно знать именно столько, чтобы помочь – и не навредить, если сделаю что-то не то. Я же вижу: ты хороший человек и добрая женщина, и точно уж не натворила ничего плохого.

Понимай Назарка, обпивающийся сейчас шербетом, хотя бы половину того, что сейчас говорила его хозяйка, он бы энергично закивал, соглашаясь. Впрочем, языками, кроме родного и османского, он не владел, но это не мешало ему видеть над головой гостью ровное светлое облачко, пусть иногда и затенённое тучками-мыслями, но без черноты. На злых людей он за свою короткую жизнь успел насмотреться. Коварные намерения отсвечивали в их аурах зловещим багрянцем, готовящийся обман шевелился клубком призрачных змей... Помыслы же франкской женщины были чисты.

Хоть и тревоги хватало. Особенно за сына.

Подмигнув перемазанному халвой Анри, Назар полюбовался на его младенческое облачко – чистое, золотистое, почти как у эфенди, светлая ему память. Покойный хозяин, должно быть, светился святостью от благочестия и доброты, а мальчонка... ну, должно быть, оттого, что дитя ещё, безгрешное совсем. Прислушался к беседе женщин. Надо было учиться новому языку. Парнишка делал это по-своему: выхватывал на слух отдельные слова из разговора – и пытался одновременно уловить образ, мелькавший в мыслях говорящего. Первый раз это получилось случайно, дня три тому назад, когда хозяйка успокаивала плачущую иноземку, а та всё причитала: «Oh, mon garçon!» – и при этом отчего-то Назарке виделся её спящий малец, но только совсем в ином виде: запуганный, с тяжёлым рабским ошейником на шее, на грязном дощатом полу, привязанный к толстой деревянной ножке низкой кровати... И отчего-то пришло понимание: это мать увидела его однажды таким, и до сих пор боится, что всё вернётся вновь. А «garçon», должно быть, мальчик, хлопец.

Потом образы вместо непонятных слов стали приходить всё чаще. А сами слова – запоминаться. Будто кто их в голову вкладывал.

Так что теперь без дела сидеть, с такой-то способностью? Учиться надо! Хозяйке служить нужно и на чужбине, а как управится-то без языка?

Он отгёр мордашку Анри влажным полотенцем и потащил его в каморку Али: учить игре в нарды. Глядишь, за разговорами ещё чего узнает.

– La galette! – завопил мальчонка. – Je veux de la galette!

– Не пирожок это, – машинально поправил Назар, прихватывая с собой блюдо с пахлавой. – Баклава по-вашему, вот! А по-турчански – пахлава...

Аннет между тем продолжала, собравшись с мыслями:

– История моя, возможно, покажется тебе странной, но уж что есть, то есть. Ты не услышишь ни капли выдумки, обещаю. Но не обессудь, в особых случаях обойдусь без имён, ты скоро поймёшь – почему.

...Широко открыв глаза от изумления, Ирис с немым восторгом внимала рассказу бывшей трактирщицы и капитанской дочки. Как же эта жизнь отличалась от её жизни, размеренной, спокойной, подчиняющейся строгому распорядку и правилам! От дивной истории чужестранки веяло солёными морями, ароматами жареного мяса из придорожного постоянного двора, слышался лязг шпаг и топот горячих боевых коней, шорох альковных портьер; и так и обжигало сердце завистью к новым, неведомым пока чувствам, сильным, как смерть, разящим огненными стрелами... ¹Тогда-то она и услышала впервые это странное название: Некрополис. Город зла, Град обречённых, а много лет назад прозывавшийся Городом Солнца, где жили бок о бок люди и наги, оборотни и маги. Пока не протянул к форпосту и золотой казне жадные лапы один беспринципный Архимаг.

Вот Аннет туда и занесло. В самый разгар разборки между светлыми и тёмными силами. Но невероятная удачливость не оставила её и здесь. Встреча со старыми друзьями, возможность помочь новым и вывести своих людей из предстоящего пекла, свобода, до которой оставалось всего ничего, распахнутые ворота Некрополиса и кромка моря на горизонте...

– ...И вдруг меня как ударило: я поняла: *он* где-то рядом. Сердцем почувствовала. Пусть не на соседней улице, может, где-то в Лабиринте или во дворе Самаэля – но тут, поблизости! Ну, что ты скажешь... Сбежать от *него* из Эстре, чтобы столкнуться в колдовском городе! Оттого, как только я услышала от доброго человека о корабле, что нас поджидает, ни секундошки не задумывалась. Мы едва успели выйти в море, как стены Некрополиса рухнули. Страшно так, словно стены библейского Иерихона... Потом мы узнали, что драконы разрушили магию, крепящую барьер вокруг города, а потому – даже камень не устоял. Оттого-то, должно быть, *он* и считал меня погибшей...

¹ Подробно история Аннет изложена в трилогии «Иная судьба»

– Он? – не сдержалась Ирис. Припомнив об оговорке гостыи – не называть имён! – сделала большие глаза и невинно предположила: – Муж? Маркиз де Клематис?

Вспыхнув, Аннет смущённо улыбнулась.

– Хорошо, пусть будет «маркиз»... Надо же как-то *его* называть. Думаю, он не был бы в претензии, в конце концов, он часто разъезжал по стране под чужими именами. Но существовал и настоящий маркиз де Клематис, его я встретила позже. Месяц спустя, когда мы покинули холодные воды Ирландии...

Казалось, вот она, мечта, всё ближе и ближе. И уже маячит на горизонте, и машет шейным платком, как флагом: «Плыви же сюда!»

Всю жизнь капитанская дочка Аннет рвалась к тёплым южным морям и вольному ветру. Нельзя сказать, чтобы она ничего не знала об изнанке жизни «Берегового братства», как называли себя гордо флибустьеры и пираты, объединившиеся в пёстрое многонациональное сообщество. Ещё девчонкой, будучи на папашинем корабле, она много чего насмотрелась, ибо почтенный родитель, хоть и зарабатывал на хлеб насущный и бутылочку горячительного перевозками купеческих грузов, но часто баловался контрабандой; а уж если случалось встретить в открытом море бедолаг, потерпевших бедствие – был отнюдь не бескорыстен, предлагая помощь, а то и оказывая её насильно.

Но то, что она узнала, вплотную приблизившись к Братству... Методы быстрых убийств и увечий при abordажках; пытки и издевательства над пленными; вероломство по отношению не только к чужим – к своим! обыкновение бить в спину и выдавать конкурентов законникам... Об этом, и о многом другом она рыжей Ирис так и не рассказала. Ни к чему. Аннет сама-то еле разобралась... Очень трудно отказываться от помыслов, которые лелеешь большую половину жизни, а тут вдруг выясняется, что весь мир, выстроенный когда-то в мечтах, на самом деле вовсе не таков. И вот-вот рухнет.

...Одиночек в Братстве не любили, поэтому, чтобы не перехватили в море «свои» же, не отобрали корабль и не перерезали глотки – нужен был вступительный взнос, а при отсутствии золота – либо сдача корабля во временное пользование (считай – навсегда, ибо, даже если судно уцелеет в стычках, шансы на выкуп мизерны), либо участие в деле. Как минимум – в трёх abordажках. Уцелеешь – вот твоя законная часть добычи, распоряжайся, может, и на взнос хватит, хоть у новичков доля меньшая, само собой...

И уж, разумеется, открывать свою принадлежность к женскому полу не рекомендовалось. За всю историю существования Братства ветераны могли назвать лишь двух-трёх женщин, сумевших в последние двести лет подчинить себе стаю головорезов и пользующихся авторитетом и влиянием. Но то, что Аннет о них наслышалась, заставило её крепко задуматься.

Она ещё колебалась: вступать на скользкую дорожку или отказаться? Южные моря, спрятанные сокровища, розовый жемчуг далёких островов, неизведанные дали – всё это манило по-прежнему, но без денег, без первоначального капитала не приблизилось бы ни на шаг. Конечно, существовал и законный, и благопристойный путь: заняться перевозкой, а заодно и охраной грузов каких-нибудь купчишек, и за восемь-десять рейсов накопить достаточно, чтобы махнуть в Атлантику. Вот только времени это отнимало слишком много. А тут ещё непонятная беременность... Непонятная в том плане, что никак не хотелось в неё верить: срок совсем небольшой, может, просто задержка женских неприятностей? Как это досадно: едва вырваться на свободу – и вдруг снова почувствовать себя скованной по рукам и ногам, и чем! Растущим пузом, недомоганиями, будущим младенцем, которого, как ни крути, а бросать нельзя. Вот бы ему просто р-раз – и появиться на свет, без всякой этой тягостной беременности...

Поэтому она почти решила.

И в один из промозглых осенних дней уже сидела в трактирчике на окраине Дублина, переодетая юнгой, с верным Хью и Джоном Клеменсом, показавшим себя непревзойдённым мастером переговоров. Каким ветром занесло их сюда? Да просто раз в полгода Братство меняло расположение штаба, дабы не отследили рьяные королевские псы; а нынче перенесли в Ирландию. Отчаянно пытаюсь сбросить свою мечту, твёрдо веря, что уж с ней-то всё будет по-другому, и уж она-то сможет обойтись без жестокостей и крови, капитанская дочка, используя связи покойного папаша, сумела-таки разыскать того, кто был ей нужен. И вот... троица друзей дожидалась вызова к Билли Блоу, нынешнему Командору.

Время было послеполуденное, обеденный зал, хоть и полон, но относительно тих: компании за соседними столами ещё не успели толком надраться, а потому пока лишь сыто дожёвывали, допивали пиво, но кое-кто уже заказывал пойло покрепче.

Окружение Аннет угрюмо молчало.

– Кроха, ты же знаешь... – наконец не выдержал одноглазый Хью. – Мы всегда с тобой и за тебя. Но оно тебе надо? Это ж рабство на всю жизнь!

– Короткую жизнь, – мрачно добавил Джон. – Чего тебе не хватает? Куда ты лезешь? Я тут человек чужой, но уже наслушался такого... Энн, зачем тебе эта грязь? Ты думаешь, что идёшь за золотом? А цена? Ты готова резать горла заложникам или топить их, если не пришлют выкуп? Или пытать, сажать задницей на ножку стула, отрезать пальцы, чтобы узнать, где на их корабле тайники? Готова?

Побледнев, Аннет торопливо глотнула скверного пива.

– Ну, и зачем ты это мне прямо сейчас говоришь? А то я сама не знаю... Раньше-то где был?

– Всё надеялся, что ты передумаешь, – хмуро отозвался Хью. – Кроха, слышь... Понятно, деньги нужны, и всё такое. Но, может, демоны с ним, с твоим приватьерством? Оно, может, занятие ненамного хуже прочих; но лучше тебе дожидаться нас на берегу. Оставь грязную работу мужчинам.

– Отсиживаться не привыкла, – только и огрызнулась Аннет. – Прекрати, Хью!

На берегу, скажет тоже... На какие шиши она будет там куковать? Возвратиться в брошенный трактир под Эстре? В бывшую клетку? Никогда! Она должна увидеть южные моря!

И поторопиться. Иначе... потом-таки придётся родить, и больше она никогда не увидит свою мечту, никогда.

– За красотку Энн, дери дьяволы её грешную душу! – рявкнул вдруг за спиной пьяный голос, и женщина судорожно дёрнулась, расплескав содержимое кружки. Неужели её кто-то узнал под обличем юнги? Но Хью хлопнул её по плечу, осаживая.

– Тихо. Это не о тебе.

Она обернулась.

Спиной к ней, развернувшись к своим приятелям, возвышался над столом, покачиваясь и с огромной кружкой наготове, громила, чьи нечёсаные космы торчали из-под засаленной треуголки таким вороньим гнездом. Очевидно, он говорил тост.

– Эй, все слышали? За покойницу Энн Бони, чтоб ей пусто было! Допрыгалась! Но хороша была баба...

Одним махом осушил кружку и плюхнулся на лавку так, что пол затрясся.

– Да ты что, Пит, разве её грохнули? – поинтересовался кто-то из компании живописных оборванцев. – А я слышал, что она вроде как дёрнула из тюрьмы-то. Да рванула на Тортугу. Врут, что ли?

Пит Воронье Гнездо пьяно погрозил пальцем.

– Э-э-э, не врут... Не врут! Утекла, было дело. Так её же через месяц поймали! Опять за своё взялась, караулила «испанца» с золотом, а тот оказался учёный, с конвоем шёл... Появ-

зали Энн, да чуть не вздёрнули там же, она ведь в портках была, от остальных «жентльменов» не отличишь. Чуть не угодила на рею, где уже дружки её дрыгались...

Малыш Джон Клеменс непроизвольно потёр шею. Глянул выразительно на побелевшую Аннет. Воронье Гнездо, довольный, что оказался в центре внимания, продолжал:

– ... а она тут как заори, что баба! И что беременна! Ну, ясно, рубаху на ней задрали, а там пузо. Чтоб мне лопнуть! И впрямь, брюхата, хоть саблей оно ей не мешало махать. Только не очень оно ей помогло, брюхо-то. Больно испанцы на неё разозлились. Ежели б не законник и не поп, что с ними плыли, отдали бы её матросне, и дело с концом. А то – чин по чину, в карцер и прямо до Малаги. Там и повесили. Не сразу, правда. Дождались, пока своего щенка родит – чтобы, значит, детскую душу не губить – и вздёрнули мамашу, прямо у всех на виду. До сих пор, говорят, висит, гниёт.

Аннет едва успела перегнуться через стол. Её стошнило.

– Не умеешь пить – не берись! – рявкнул на неё Хью. – Ишь, неженка. Пшёл вон отсюда, нечего тебе тут делать!

Под гогот и насмешки пьяной публики выволок её из трактира, усадил на ступеньках, дал отдышаться. Джон зачерпнул из колодца, здесь же, во дворе, помог умыться и напиться.

От ледяной воды застучали зубы.

– Как ты думаешь, что... с её ребёнком? – еле выговорила Аннет.

– А что с ним может быть, кроха?

Хью покусал вытащенную из охапки сена в ближайших яслях соломинку.

– Поди, в приют сдали. Выживет – его счастье, станет бродягой или, ежели девка – в прислуги пойдёт, а потом всё одно – в бордель. Но, скорее всего, не выживет. В приюте они как мухи мрут. Кому нужны подкидыши? Так что, вернёмся? Билли за нами уже послал.

Пронзительно синее южное небо мигнуло зло где-то вдали, на задворках разума – и погасло. Навсегда.

– В гостиницу, – только и сказала Аннет.

...Сутки после этого она проревела на узкой койке, не чувствуя клопичных укусов, потом привела себя в божий вид и послала за Хью. Надо было как-то жить дальше. И рожать сына Анри, да сделать так, чтобы никто не посмел отнять у неё её мальчика, чтобы уберечь его от страшного приюта и голодной холодной жизни в вечных скитаниях. К чёрту Энн Бони! Тоже, небось, глотки всем резала, живых людей отправляла за борт; а она-то, Аннет, сотворила из неё настоящую героиню!

Ребёнок. Любовь. Надежда. Та, что подарил ей Бенедикт Эстрейский, напророчив, что однажды они с Генрихом ещё встретятся, правда, не скоро... Вот о чём она станет думать.

А потом появился Хью, и с порога, делая вид, что не замечает заплаканных глаз, сообщил, что некий голландский торговец подыскивает судно для доставки партии зерна и шерсти в Нормандию. Не наняться ли? Рейс выгодный... Капитанская дочь высморкалась в простыню, пригладила пятернёй волосы, поинтересовалась ценой, условиями... Оживилась.

И через час, уже в женском платье, строгом, закрытом, как и полагается состоятельной вдове, продолжающей дело мужа (как её представили) вела переговоры с Хельмутом Ваан Клиберном.

Ещё через полгода о ней знали на всём Нормандском побережье.

Покрутившись в новых для себя кругах, поговорив с нанимателями и представителями торговых компаний и союзов, Аннет с удивлением узнала, что случаи, когда серьёзное мужское дело возглавляли – и весьма успешно – женщины, далеко не редки; хотя, конечно, вдовам-каботажицам доверяли куда больше. Какая-нибудь вертихвостка, потеснившая мужа с его законного места, или, тем паче, вздумавшая с нуля заняться перевозками, даже при наличии солидных финансовых гарантий не пользовалась у мужчин таким уровнем доверия, как умная вдова, унаследовавшая и приумножившая налаженное супругом семейное дело.

Да, каботаж. Да, небольшие рейсы вдоль побережья Франкии, с заходом то в один порт то в другой, не пересекая морских рубежей. Да, тихая, спокойная, мирная и достаточно скучная работёнка... Зато в сундуки «Новой Энн» золотым ручейком потекли приятные на вид и на ощупь жёлтые кругляшки, которых хватало и на сытую, наконец, жизнь потрёпанному в прошлых странствиях экипажу, и на периодическое подновление каракки после каждого плавания и шторма, и... в кубышку для будущего маленького Анри. Одержимая идеей дать сыну или дочери всё самое лучшее, Аннет задолго до родов уже ломала голову, где ей осесть, как создать прочную репутацию порядочной женщины с безупречным прошлым, дабы на малыша не упала даже тень подозрения в незаконнорожденности. Ах, если бы можно было выйти замуж так, для отвода глаз... Малыш Джон уже не единожды и намекал, и прямо делал ей предложение, но принять его капитанская дочка считала нечестным. Будучи не слепой, она прекрасно видела, что Джон Клеменс болен ею давно и хронически, и давать бедняге надежду на нечто большее, чем фиктивный брак, не хотела. Может, когда-нибудь на берегу её верный друг найдёт себе лекарство, не на ней одной свет клином сошёлся.

И тут-то, в одном из рейсов, она встретила незабвенного маркиза де Клематиса. Сухонького измождённого старичка, умирающего не столько от голода, сколько от жажды, на одном из крошечных островков Шозе, заливаемых приливом настолько, что дважды в сутки бедолаге приходилось взбираться на единственную высокую скалу и пережидать, в воде по колено, пока море, наконец, отступит. А потом, рискуя свернуть шею или сорваться, спешить вниз, на полосу литорали, где ещё шевелились крабы и нет-нет, да поскрипывали створками выброшенные волной съедобные моллюски. Так он прожил почти десять дней, спасаясь от обезвоживания лишь тем, что высасывал соки из крабовых клешней и сырой рыбы.

(Оставшиеся пять лет жизни маркиз Антуан Мари Жюстен де Клематис на нюх не выносил ни крабов, ни устриц, ни даров моря вообще, до коих ранее был большой охотник...)

Он слыл чудачком, этот аристократ, половину состояния промотавший на прекрасных дам, а оставшуюся половину, когда по причине пошатнувшегося здоровья не смог более получать удовольствие в амурной сфере – на путешествия. И надо ж было тому случиться, что буквально при возвращении из последнего морского вояжа в мыслях престарелого, но довольно-таки шепутного маркиза зародилась идея: а не покончить ли с этим кочевым образом жизни? Да и с жизнью вообще, ибо денежный источник иссяк, поместья в запустении, на суше его с нетерпением поджидают разве что кредиторы. Ни семьи, ни наследников, один, как перст, последний из рода. Однако семь десятков лет прожиты неплохо, красиво и со смыслом; завершать же свой путь в нищете или долговой яме – так неэстетично! Старичок уже всерьёз обдумывал, что лучше: изящно шагнуть за борт на закате, чтобы, так сказать, угаснуть вместе с уходящим солнцем, или накапать в вино побольше болеутоляющей настойки, коей в последнее время часто унимал расшалившуюся подагру... Появившийся на горизонте корабль с чёрным флагом прервал его рассуждения грубо и приземлённо. Маркиз был взят в плен какими-то невоспитанными личностями, затребовавшими выкуп и страшно рассердившимися, когда узнали, что тот гол, как сокол. Его и двух безденежных молодчиков высадили на островке – и предоставили своей судьбе, оставив, словно издеваясь, на троих два пистолета с единственной пулей каждый, и три бутылки рома. Последнее, так сказать, изощрённое утешение.

Памятуя, что спиртное, да ещё и крепкое, не утоляет жажду, а напротив – разжигает, маркиз к пойлу не притронулся. К тому же, несмотря на кажущуюся легкомысленность, он имел за плечами богатый жизненный опыт, подсказывающий, что от находящихся в сильном подпитии, да ещё с оружием в руках, молодых людей лучше держаться подальше. А потому – тихо, по-бриттски, поспешил уединиться якобы в поисках еды и питья, на самом же деле спрятавшись в небольшой пещерке за скалой. Где его, впрочем, к вечеру и застал врасплох прилив. К счастью, старичок успел вовремя выскочить из грота, едва не ставшего для него ловушкой, и,

как любое живое существо, застигнутое наводнением, послушался инстинкта, что погнал его наверх. На самую вершину...

По рассказам моряков он знал, что приливы в этой части моря достигают отметки сорока футов, а то и выше, и когда вода спала, вновь обнажив островок, подивился лишь тому, что выжил.

Товарищей по несчастью он так и не нашёл. Захлебнулись ли они, перепившись, или поубивали друг друга – какая разница? Ему предстояло бороться за жизнь самому.

Порой, цепляясь за каменистый утёс, давясь горько-солёной водой, доходившей почти до горла, он вспоминал о недавних планах красивой кончины – и содрогался от истерического смеха. Боже, как ему сейчас хотелось жить! Просто жить!

...А когда волны спали в миллионный раз – воззвал к небу так жарко, словно и не делал это поминутно:

– Господи, клянусь: ежели кто сумеет меня отсюда вытащить – я сотворю для него всё, что он пожелает! Дай только сил дожить, Господи!

И так велико было его чувство благодарности и верность данному слову, что едва молодая вдова, спасшая его из плавучей тюрьмы, проговорила, что обеспокоена судьбой будущего ребёнка, которому трудно будет без отца – тотчас, не задумываясь, припал на вовремя согнувшееся колено и предложил руку, сердце, титул, поместье... Всё, что имел.

И, увы, долги. Помявшись, маркиз признался в наличии оных.

Но ни разу, ни единого дня не пожалел о проявленном великодушии и согласии невесты.

Труднее всего оказалось даже не укрощение кредиторов и возведение из руин фамильного замка и деревушек. Твёрдая ручка Аннет вкупе с умеющими убеждать верными помощниками творили чудеса, и бывшей капитанской дочке справиться с зажавшимся управляющим и отбившимися от рук старостами оказалось не тяжелее, чем навести порядок в собственном трактире. Куда больше пришлось поволноваться из-за разрешения на брак самого маркиза в двенадцатом поколении и безвестной вдовы.

...Ах, Джон Клеменс, верный маленький Джон! Не зря он отработал пять лет на тайную службу британского посла, не зря учился каллиграфии и тонкому искусству – нет, не противозаконной подделки, но копирования документов. Ещё когда Аннет заявила о себе на всё побережье, как о судовладелице, он провернул весьма удачную аферу, или, по его выражению, «операцию» с якобы потерей и нахождением документов одной честной вдовы, подавшей в Гавре прошение на пенсион за погибшего в море супруга-офицера. В числе бумаг, оказавшихся в шкапулке, похищенной какими-то негодьями прямо из запертого номера гостиницы, весьма удачно оказалась и подорожная для путешествия по морю, так называемый «пасс порт». Буквально через два часа после кражи воры были разысканы и сданы властям некими добрыми людьми, обедающими в гостиничном зале и тронутыми причитаниями вдовы, а украденное возвращено владелице. Этого времени Джону Клеменсу как раз хватило на снятие копии «пасса порта» и внесения небольших поправок в фамилию и имя вдовы. Хотел заодно и повысить происхождение, но... пришлось Аннет превратиться лишь в купчиху, ибо дворянке в торговых делах доверия от клиентов ждать не приходилось. Свой больше доверяет своему.

Да и каралось самозванное дворянство строго...

На брак с маркизом, явный мезальянс, требовалось разрешение самого Генриха, поскольку Антуан Мари Жюстен де Клематис приходился какой-то четвероюродной роднёй Валуа, правящей династии и, согласно действующему Уложению о чистоте дворянской крови, король лично отслеживал браки старейших дворянских фамилий, а род де Клематисов к такому и относился, несмотря на полное обнищание. На это и сделал ставку смыслённый маркиз, лично подавший королю прошение о браке. Не оставил на откуп придворным секретарям, занятым более проталкиванием «подмазанных» золотом прошений, нежели действительно нужных бумаг. Не доверил бюрократической машине, работающей при прохождении каждой просьбы

из рук в руки с учётом требований протокола, а значит – чрезвычайно медленно. Но разыскал парадный камзол далёкой юности своей, собрался в один день, сунул под мышку фамильную шпагу, поцеловал изрядно округлившуюся к тому времени невесту в щёку – и укатил в Лютецию.

Где и воспользовался наследуемой привилегией маркизов де Клематис на аудиенцию у короля вне очереди, оставив за спиной в приёмной нескольких графьев и виконтов, а так же лиц духовного сословия.

Появлением бодрого молодежавого старика Его Величество впечатлился. Ещё бы. Прованская кухня, которую Аннет знала неплохо, ещё на корабле пошла маркизу впрок, и на Гаврский берег сошёл уже не измождённый борьбой за жизнь чудом спасённый скиталец, а изрядно окрепший, прибавивший не только в весе, но и в росте, стройный подтянутый седоусый дворянин, про которого запросто можно было сказать: есть ещё порох, есть! Свидание со смертью порой удивительным образом пробуждает жизненные силы, со свойственным ему юмором заметил маркиз, пересказывая королю историю своих злоключений. И даже освежает настолько, что чувствуешь возрождение во всём теле, буквально во всём... а потому – нет-нет, да невольно и потянет на шалости, о которых, казалось, и думать забыл по причине невозможности исполнения. И глядишь – на усохшей ветви древнего рода уже проклёвывается почка...

Его Величество Генрих Валуа, несмотря на простецкую крестьянскую физиономию, коей частенько поддразнивал его шут Пико, языком иносказаний и мудреца Эзопа владел в совершенстве. А потому, собрав в кулак всю тактичность, на которую был способен, осторожно поинтересовался, а *родная* ли пробилась почка, не потрудился ли над древом усердный садовник из ближайшего сада... или поместья. На что маркиз с гордостью отвечивал, что деревце его, хоть и взято из чужого питомника, но последние несколько месяцев обихаживалось исключительно им самим, и за подлинность полученных в недалёком будущем плодов он ручается. О чём готов даже принести присягу в присутствии епископа и прелата, ожидающих в приёмной.

Его Величество Генрих задумчиво покивал. Что ж, бывает иногда и такое среди садоводов-долгожителей... Особенно, если речь идёт о возрождении угасающей фамилии. Можно даже закрыть глаза на купеческое происхождение невесты. Главное, чтобы в жилах будущего наследника текла кровь самих...

Возложив ладонь на Евангелие, присутствовавшее на письменном столе короля, величавый старец подтвердил: о, да! Кровь Валуа там будет, хоть и сильно разбавленная, но, как говорят отцы нашей Церкви, капля святой воды и море освящает, так, кажется?

...Несколько лет спустя, взглядываясь в личико маленького Анри, маркиз де Клематис откинул тёмно-русую прядку с виска мальчика – и, наконец, углядел три родинки, расположенные ровным треугольником: отметку, полученную при рождении, которую Аннет до сего времени удавалось скрывать от окружающих под чепчиками и шапочками. Внимательно изучил профиль, с каждым днём всё более знакомый, густые брови, карие глаза, простоватую, вовсе не аристократическую мордашку... и рассмеялся с облегчением.

На встревоженный возглас Аннет приложил палец к губам:

– Т-с-с... Всё хорошо, моя пташечка. Просто, наконец, убедился, что я не клятвопреступник... Однако не пора ли подумать о воспитании нашего юноши? У меня остались знакомые в Лютеции, они подыщут лучших учителей и гувернёров. Будущему маркизу надо быть самым блестящим маркизом во Франкии!

Да! Это полностью совпадало со страстным желанием самой Аннет: дать малышу всё лучшее. Чтобы когда-нибудь, рано или поздно, так или иначе, встретившись с отцом, он показал, что достоин его.

... Время неумолимо, ему поддаются все, даже не согнутые обстоятельствами аристократы. Но де Клематис успел дожидаться «лучших часов в своей жизни», как он сам при-

знавался, когда пятилетний Анри уселся на свою первую лошадку-пони, когда нацарапал пёрышком без единой ошибки поздравление с именинами «дорогому сиятельному отцу и маркизу...», сдал первый маленький экзамен по чтению и опробовал на соломенном чучелке новёхонькую шпажку, скопированную с фамильной.

После утомительного пышного бала по случаю своих семьдесят седьмых именин – прощального празднества, как потом поняла Аннет – отходя ко сну, он провозгласил, взмахнув ночным колпаком, как стягом, и пугая стареньких камердинеров:

– Виват, Франкия! Да здравствует король!

И добавив непонятно:

– Ныне отпускаеши раба своего, Владыка...

...уснул навек, счастливым.

Аннет искренне горевала по этому чудаку. Наверное, не меньше, чем Ирис по своему эфенди. Хорошо, что рядом оставались верные друзья: малыш Джон, перенявший бразды власти у здешнего управляющего, и Хью, превратившийся в импозантного дворецкого, бродяга Хью, который, оказывается, давно мечтал осесть на месте и вспоминать о большой воде лишь, когда взбредёт в голову блажь посидеть с удочкой. Остальной экипаж, помоложе и пошустрее, разбрёлся по морям, догуливать своё... Но бывшей капитанской дочке скучать было некогда. Поместье и три соседних разросшихся деревушки нуждались в хозяйском присмотре, сынок подрастал – и тоже требовал внимания, и Аннет не могла ему отказать, помня, что впереди у мальчика взрослая жизнь, мужские интересы. Придёт время – и её место в сердце займёт кто-то ещё, а потому дорожила каждым часом, проведённым вместе. Даже порой сидела на его уроках, тех, что были ей интересны, и, кстати, почерпнула там немало нового.

С учётом того, что в первые годы замужества её натаскивала в манерах и этикете пожилая компаньонка, приставленная маркизом – Аннет постепенно преобразилась. Втайне она надеялась, что однажды, когда сбудется предсказание архиепископа, она всё же встретится с Анри-старшим, и вот тогда... докажет, что простая франкская женщина ничуть не хуже и не глупее заносчивой рыжей королевы бриттов. К которой она, признаться, отчаянно ревновала. Её старания не пропали зря. Уже никто не узнал бы в знатной даме бывшую трактирщицу, а тем более – купчиху, занимавшуюся когда-то каботажом. Хотя кумушки из соседних поместий до сих пор любили почесать языки на тему «позорного» торгового прошлого, но, боже сохрани, в присутствии вдовы не осмеливались даже на намёки, и растили, растили дочерей, лелея золотые мечты о подрастающем поблизости зяте-маркизе.

За этими-то хлопотами и бесконечной круговертью дел она и проглядела змею в собственном доме.

Гувернёр-бритт, ещё при жизни старого маркиза назойливо ухаживавший за прелестной матушкой своего воспитанника, после её вдовства совсем потерял осторожность и чувство меры. И однажды с позором был изгнан и из хозяйской спальни, куда пытался пробраться, и с земель маркизы Клематис. Без рекомендательных писем и тёплого напутственного слова в ответ. Отчего затаил обиду.

Которой щедро поделился за третьей бутылкой старого эля с соотечественником из бриттского посольства. Высказался энергично и о сучке-вдове, бывшей купчихе, ловко оженившейся на себе старика... а может, и не оженившейся, а выданной указанием свыше, ибо маркизёныш-то явно не от Клематиса, а вот ежели глянет на него смышлёный человек, кто хоть раз побыл при дворе, сразу поймёт, чей это бастард. Потому, должно быть, и растёт вдали от столицы, чтобы не на виду. Не афишировать, так сказать, до поры, до времени.

Пожить после этого значительного разговора болтливому гувернёру позволили недолго. Ровно столько, чтобы вернуться в замок под предлогом какой-то потерянной в спешке отъезда ценной фамильной брошью покойной маменьки, подлить сонных капель матери и сыну, как раз перед их прогулкой по лесу, и дожидаться, когда на карету нападут специально присланные для

этого люди. Ах, да, ещё успеть проболтаться о содеянном, заметив ужас маркизы, борющейся с навязанным сном. Хотелось насладиться триумфом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.